

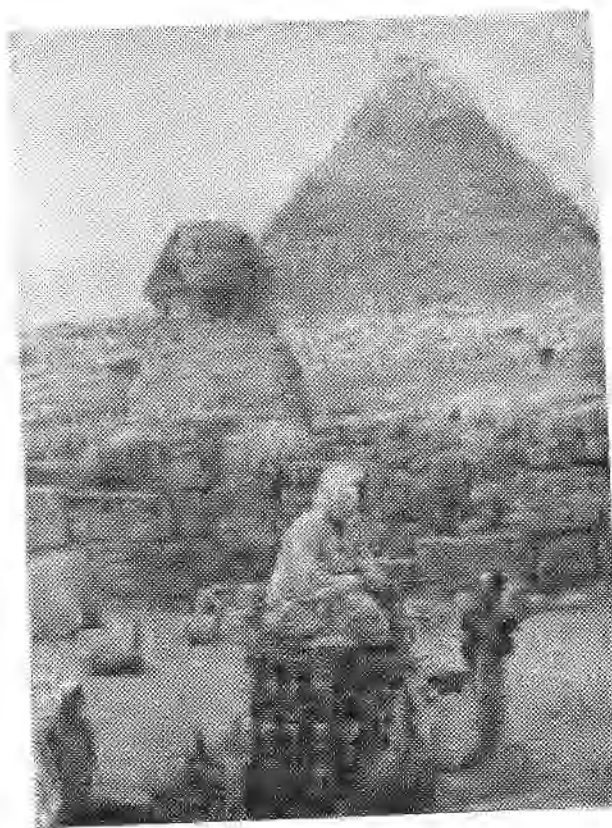
Третья
инверсия!

ИЗУМЛЕННЫЙ СФИНКС

Л. НОВИКОВ

А. ТАРАДАНКИН

**Лев Новиков
Александр Тараданкин**

ИЗУМЛЕННЫЙ СФИНКС

**Издательство «Знание»
Москва 1964**

В сердце Нубийской пустыни воздвигаются грандиозная Асуанская плотина и гидроэлектростанция. К величайшей стройке на Ниле приковано внимание народов всей Африки. Май 1964 года — исторический май для континента — вступает в строй первая очередь этого гигантского сооружения.

В наши дни Асуан стал символом дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Объединенной Арабской Республикой.

Этой дружбе и посвящается книга «Изумленный сфинкс».

Идем в Александрию

— Вот приятный сюрприз,— сказал капитан Евгений Тимофеевич Лукьянов, когда в Суэцком заливе к борту турбохода «Ленинский пионер» подошел лоцманский катер и высокий человек в белоснежной форме легко вспрыгнул на площадку трапа.— Рюрик Лавров, я его сразу узнал, учились вместе в Одесской мореходке,— объяснил капитан.— Сколько раз ходил каналом, а встречаться не доводилось, хотя знал я, что тут он. Как на грех, забыл его отчество...

Пока капитан вспоминал отчество своего однокашника, тот поднялся в рубку и весело сказал:

— Ну, здравствуй, Женя! Наконец-то мы свиделись.

Друзья обнялись.

— Сегодня повезло,— сказал Лавров.— Каждый день вожу суда по каналу, а своих вижу лишь издалека. Редко приходится попадать на родную палубу. Нас, лоцманов, вызывают строго по очереди: подойдет твой номер, идешь на корабль, не выбирая. Сегодня мой номер оказался счастливым. Ну, что новенького дома-то? Выкладывайте!

— Да ведь мы сами уже три с половиной месяца дома не были!— рассмеялся Лукьянов.— Идем из Японии.

— Все одно, рассказывайте, соскучился по свежим людям. И еще, знаешь чего хочу — до безумия — черненького хлеба! Ржаного! Есть?

— Понятно, есть. Тебе с маслицем или как?

— С солью, как в детстве, на рыбалке!

Матрос побежал в камбуз за угощением.

Веселый и общительный Рюрик Михайлович сразу нам пришелся по душе. Возбужденный встречей с земляками, он то и дело снимал с головы белую форменную фуражку и теребил светлые, как лен, волосы. Голубые глаза его смотрели вокруг с ласковым удивлением. Теперь он больше слушал.

Капитан познакомил нас со своим школьным товарищем, но побеседовать с ним нам толком не пришлось: раздалась команда —

«По местам стоять, с якоря сниматься!». Головные суда конвоя начали втягиваться в горловину канала.

От Лаврова мы успели узнать немного, а именно, что па Суэцком канале работают сейчас одиннадцать советских лоцманов, четверо из них, в том числе и Рюрик Михайлович, живут в Порт-Тауфике, четверо — в Исмаилии и трое — в Порт-Саиде; что работать приходится много, и все скучают по русской земле; что по решению правительства ОАР канал расширяется и углубляется и что у наших лоцманов тут множество друзей.

Как только судно тронулось, Рюрик Михайлович сосредоточился на своей прямой работе. Он переходил с одного крыла рулевой рубки на другое, однотонно бросал: «Лево руля!», «Право пять!», «Так держать!». Все это, как и положено, повторял капитан, дублируя команды рулевому.

Только на рейде Большого горького озера, что неподалеку от Исмаилии, где караваны перестраиваются и меняются лоцманы, Рюрик Михайлович снова стал веселым и разговорчивым, как в момент появления на турбоходе. Но время не ждало, до расставания остались минуты.

— Знаете что, друзья, набрались бы вы храбрости да и махнули бы как-нибудь к нам

в гости. А что? Вдруг подвернется оказия?

Мы отнеслись к словам Рюрика Михайловича довольно скептически, дескать, вот шутик, мыслимо ли это! Но миновало лишь несколько месяцев, и мы снова шли к берегам дружественной Объединенной Арабской Республики. «Вдруг подвернется оказия?» — вспомнились оптимистические слова Лаврова.

На этот раз мы были зачислены в экипаж старейшего на Черноморском торговом флоте парохода «Лермонтов». Скажем откровенно, избалованные плаванием на современных новейших судах, таких, как сухогруз «Ленинский пионер», пассажирский теплоход «Литва», мы вначале с тоской поглядывали с палубы на море. Не было восторженного ощущения скорости, которое будоражит нервы, пьянит. Не было на «Лермонтове» и просторных светлых кают, куда подается кондиционированный воздух, и далеко не такой удобной была каюткомпания. Но это — впечатление первых суток. На следующий день все стало на свои места. Кюта, выметенная и прибранная, казалась уже уютней, как-то по-особому начал благоухать букетик цветов, захваченных из родного порта. И палубы вдруг сделались чистыми и «проходимыми», не то что в порту, где их загромождали огромные ящики и какие-то ги-

гантские детали замысловатых машин. Теперь были проложены тропиночки и мостики из досок.

Пусть пароход постарел, пусть у него клепаный корпус и громоздкая архитектура и весь он тяжел и неуклюж, но любит его команда беззаветно, как любят люди свой родной дом. И есть за что любить. Сколько трудных дорог прошел этот ветеран, сколько грузов перевез за свою долгую и суровую жизнь, сколько было связано с ним судеб человеческих, сколько рук махали ему с берега платочками! Достойно участвовал он и в минувшей войне. С его клепаных бортов высаживался союзнический десант на берега Франции. Но все это было давно.

А теперь на борту «Лермонтова» разместились грузы для Асуанской плотины. Бежало судно необычно скоро, как давно уже не бежало. Это отмечали даже капитан Анатолий Николаевич Каминский и штурманы. Моряки знали, конечно, что пароход только вышел из «капиталки», но все утверждали: «Чувствует старик, какой важный груз он везет, вот и резвость появилась такая».

Мы шли в Александрию.

Парень из Асуана

Палуба в порту перестает быть тем привычным, строго очерченным миром, в котором моряк проводит большую часть своей жизни. Палуба в пути, такая чистая и понятная до каждого сантиметра, знакомая, как собственная ладонь, в порту становится неудобной и даже какой-то чужой. Зияют пропастями открытые трюмы, под ногами мусор, доски, ветошь, обрывки стальных канатов. Нарушается симметрия стрел. На палубе становится шумно: стук, визг лебедок, крики. Появляется много незнакомых людей, и говорят они не на нашем языке. В порту палуба становится похожей на строительную площадку. За кажущейся неразберихой теряется ощущение ритмичного и целенаправленного труда. Одним словом, идет разгрузка.

Так мы стали частицей Александрийского порта и отныне подчиняемся его ритму. Арабы, в длинных до пят галабиях, поднялись на борт парохода и быстро «распаковывают» его глубокие трюмы, наполненные грузами. Тут и бетононасосы, и буровые машины, и электрокабель, и комплекты канатных механизмов, и пиломатериалы...

С левого борта к «Лермонтову» подошел

плавучий кран и стал выгружать на баржи самосвалы и многотонные, похожие на вагончики наших полевых станков, ящики с надписями — «Сделано в СССР» и адресом — «Асуан». В Александрии плавучих кранов всего два, а работают они только у тех судов, грузы которых имеют сейчас особое значение для страны.

Слово «Асуан» — магическое. Оно открывает грузам «зеленую улицу» от самого порта до строительной площадки на берегу великого Нила. На соседних кораблях нам завидуют: не успели стать к причалу, а уже подошел кран. Правда, его не назовешь чудом техники XX века — он паровой, без поворотного круга и поэтому неуклюжий. Его длинная труба, чем-то похожая на самсварную, всюю коптит, застилая черным дымом голубое небо. Моряки шутят, что кран столь же древний, как и египетские пирамиды.

Но все-таки с помощью даже такого крана разгрузка идет куда быстрее. Вот он не спеша, отдуваясь, приблизился к борту «Лермонтова», подцепил двадцатипятитонный самосвал, и тот беспомощно повис в воздухе, будто великан, у которого вдруг из-под ног ускользнула почва. Старый портовый работяга, тяжело вздохнув, подался назад, всколыхнув широкой кормой уснувшую воду, все так же, не торопясь, приблизился к барже и бережно опустил ношу на

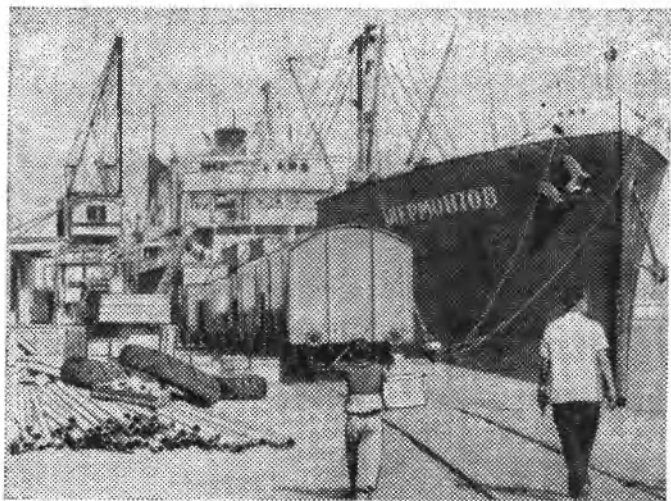
ее палубу. Попыхтел и снова направился к нашему судну...

На причале, с другого борта, выстроилась вереница узких и длинных повозок, запряженных парами лошадей или мулов, выхоленных и сытых. На животных любо-дорого взглянуть. Араб сам недоест, но лошадь накормит, недоеспит, а время выкроит, чтобы до блеска вычистить своего четвероногого кормильца. Нещадно палит солнце, а возчики не ленятся лишний раз провести щеткой по гладким бокам животного.

Дождавшись своей очереди, возчики подкапывают повозки под свесившиеся за борт корабельные стрелы, получают свою «порцию» груза и тотчас отъезжают, уступая место другим.

Транспорт в Александрийском порту до сих пор преимущественно гужевой. Грузовик редко встречается у причалов. Если порт полностью механизировать, тысячи людей не найдут применения своим силам. Рабочих рук много, а работы не хватает. Поэтому и плавучих кранов мало. Даже такой древний кран, что работает у «Лермонтова», лишает заработка примерно пятьдесят портовых рабочих.

Молодая республика после провозглашения независимости, правда, быстро набирает темпы в развитии национальной промышленности, но наследие, оставленное колонизаторами, не

Пароход «Лермонтов» в Александрийском порту.

так-то легко преодолеть. Безработица — одна из нерешенных проблем страны.

Чтобы заполнить бреши в экономике, требуется время. Но время в данном случае не означает — века. Арабы рассчитывают за тридцать лет осуществить то, на что Европе понадобилось триста. Буржуазные экономисты утверждают, что это — утопия. Рановато спешить с выводами, тем более, что страна располагает

необходимыми ресурсами и твердой волей осуществить свои замыслы. Уже сейчас Объединенная Арабская Республика производит более 5 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год, около миллиона тонн азотных удобрений, более 5 миллионов тонн нефти, добывает железную руду, прокатывает сталь, изготавливает дизели, железнодорожные вагоны, наладила сборку автомашин, радио- и телевизионных приемников, ведет исследования в области атомной энергии. Начало, нужно прямо сказать, убедительное. До революции египтянам все это, как говорится, даже во сне не снилось. Теперь они поверили в свои силы, поверили в искреннюю помощь Советского Союза.

...Мы увидели его на палубе. Он прыгал с ящика на ящик, протискивался между экскаваторами, заглядывал в узкие щели между гигантскими частями машин, подныривал под туго натянутые замасленные стальные канаты, придирчиво все осматривал и тут же делал пометки в записной книжке. В этом парне нетрудно было признать своего, русского — светлые волосы, голубые глаза. Естественно, он выделялся среди черноволосых, усатых арабов-грузчиков, одетых в белые галабии. Он говорил рабочим, что сгружать в первую очередь. Лицо его было озабоченным, видно, парня что-то беспокоило.

Когда мы подошли к нему, он коротко отрекомендовался:

— Давыдов, представитель Асуанстроя...

Приятно было встретить человека с этой гигантской стройки.

— Как дела?

— Дела идут,— ответил Давыдов.— А новостей мы ждем от вас. Вот прибыли камнедробилки. Они нужны позарез — кладем бетон. Меня самолетом послали в Александрию, чтобы встретить «Лермонтова» и в первую очередь отправить на стройку камнедробилки. Я уже и платформы заказал. А до Асуана далеко, товарняк пройдет суток трое.

Давыдов внимательно разглядывал ящики, что-то записывал, одобрительно крякал.

— Дела идут! — повторил он.— В мае 1964 года Нил должен быть перекрыт. Времени в обрез. И на моряков мы сейчас смотрим как на самых необходимых союзников. Грузы идут точно по графику. Это отрадно.

Наконец, Давыдов закончил свою «бухгалтерию», и мы утащили его в кают-компанию. Заварили крепкий чай. Чай помогает беседе.

Давыдов, понятно, устает. Не бывает дня, чтобы в Александрии не разгружалось то или иное наше судно. Результаты? Их трудно переоценить. Советский торговый флот уже доставил для Асуанской плотины более 150 тысяч

Капитан «Лермонтова» — Каминский (справа) и представитель Асуанстроя — Давыдов на мостике парохода.

тонн оборудования, машин, механизмов, материалов. А грузы идут и идут.

Не случайно каирская газета «Аль-Ахрам» писала: «...стройка в Асуане — это царство техники». Даже западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне цейтунг» признала необыкновенно высокий уровень механизации работ на Ниле. Она сообщала: «Перед взором человека встает современная техника во всей ее громадной силе».

Давыдов рассказывал о стройке, и мысли уносили нас за тысячу километров от моря, в сердце Нубийской пустыни, где тысячи арабов рука об руку с советскими строителями возводят одно из величайших сооружений современности.

День и ночь работают стальные челюсти экскаваторов, извлекая из недр взрыхленный грунт, оседают под тяжестью породы двадцатипятитонные самосвалы, грызут крепчайший гранит буровые машины, высекают искры из камня отбойные молотки. В гигантской скале, на глубине восьмидесяти метров, уже пробито шесть тоннелей, каждый высотой в пятиэтажный дом. По ним скоро хлынет вода к двенадцати турбинам гидроэлектростанции. Идет бетон — тысячи тонн бетона — для сооружения водоприемника и здания ГЭС...

Мы изнываем от жары. И это здесь, на берегу, где с моря нет-нет да и потянет прохлада! А каково же нашим людям там, в пустыне, где жесткий, как наждак, песок, где нет ни кустика, ни тени, ни родника, где солнце никогда не прячется за тучу? Каково там, где за последние семьдесят лет не упало ни одной капли дождя?

— Нелегко приходится нашим ребятам — непривычная обстановка, сами понимаете, — угадал наши мысли Давыдов. — Но люди-то какие!

Вот именно, люди-то какие! Взять хотя бы бригаду экскаваторщика Владимира Харкина. Этот слаженный коллектив на своем испытанном «Уральце» первым отправил в отвал миллион кубометров гранита. Президент Насер наградил Харкина и членов его бригады медалью «За заслуги» I степени.

— А сколько арабов получили на стройке новые для них профессии! И это — заслуга наших ребят: находят время для того, чтобы учить друзей. Да, люди на Асуане удивительные. — Давыдов говорит о них вроде бы просто, без пафоса, но пафос в том, о чем он говорит.

В кают-компанию заглянул смуглый человек в белой фуражке — работник порта. Что-то сказал Давыдову по-арабски.

— Ну вот, еще одна приятная новость: пришла «Вторая пятилетка». Тоже грузы для Асуана. Спасибо за чай! Я побегу...

И он ушел, веселый и хлопотливый парень, русский парень с Асуана, чтобы снова прыгать с ящика на ящик и продолжать в своем блокаде перечень машин и деталей.

Грузы на Асуан должны поступать бесперебойно.

Савваты

В первый же день нашего пребывания в Александрии мы собрались пойти в город. Прежде чем сойти на берег, заглянули к капитану. Анатолий Николаевич беседовал с черноглазым полным человеком. Тот что-то записывал в блокнот.

— Войдите! — кивнул капитан. — Хотите «Боржоми»? Только что из холодильника. Познакомьтесь с интересным человеком: Ахмед Савват — наш шипшандлер *. Он хорошо говорит по-русски, так что можно обойтись без переводчика. Савваты у нас, моряков, в почете, советую поближе познакомиться с их конторой, с семьей.

— Заслуживаем ли мы такой чести? — учтиво поклонился Ахмед. — Мы люди простые.

— Не скромничайте, Ахмед, мы хорошо знаем Савватов, и давно. Ведь так? Кстати, как чувствует себя ваш отец?

— Спасибо, спасибо! Просил передать поклон вам и вашему батюшке. А еще лучше, если заедете к нам в гости и расскажете ему все новости. Отец-то ваш давненько не бывал в наших краях.

---

* Ш и п ш а н д л е р — агент по снабжению судов.

— Он плавает сейчас на теплоходе «Урюпинск», — ответил Каминский, — по-прежнему коком.

Нам, понятно, очень захотелось узнать, откуда у капитана завелось такое давнее знакомство с Савватами, что даже отцы хорошо знают друг друга. Мы решили набраться терпения и ждать конца деловой беседы. Шипшандлер занес в блокнот список продуктов, необходимых экипажу, условился о времени, к которому следует прислать машину для старшего механика Бориса Игнатьевича Змерзлюка, которому нужно было показаться врачу, и, раскланявшись, уехал, заручившись нашим обещанием побывать у него в конторе.

Нам понравился этот человек. Он держался с достоинством, без присущего шипшандлерам иных портов угодничества; приятным было и его выразительное лицо с крупными чертами.

— Расскажите о нем, — попросили мы Каминского, как только гость покинул судно.

— Да что рассказывать? Ведь Савватов знают на всех советских судах. Не так ли? — обратился он к недавно вошедшему в каюту первому помощнику Маремьянину. — Вот, кстати, Василий Павлович знает их историю куда лучше меня.

— Было дело, — кивнул головой помполит. — Как-то года два назад я несколько часов

просидел у них в конторе и, признаюсь, не без интереса перечитал уйму добрых отзывов о деловых достоинствах этой семьи. Это, знаете ли, был своеобразный отчет о многолетней дружбе и добром сотрудничестве между русскими моряками и арабами. Ахмед, которого вы только что видели,— представитель четвертого поколения Савватов — людей, добросовестно помогающих нашим кораблям.

...История шипшандлерской конторы Савватов уходит своими корнями в середину XIX века. Приезжали в ту пору из России в Египет состоятельные туристы, да еще иногда путешественники. Им обычно требовались проводники, и рекомендовали здесь, как правило, Мухамеда Саввата или его сына Ахмеда Саввата с другом Ахмедом Абузетом: «...людей честных и старательных, страну знающих и в языках умелых. Они верблюдов и мулов умеют обеспечить, и провиант достать хорошего качества, и показать достопримечательности страны. Савваты и по-русски изъясняются...»

Трудно сказать, кто первым из русских встретился со старшим Савватом, но к 1871 году было у него уже много знакомых из России. Этот год почитается у Савватов годом рождения шипшандлерской конторы: тогда она впервые начала снабжать русские суда.

Сохранился любопытный документ, кото-

рый дает некоторое представление о связях первого Саввата с русским флотом:

«Я, араб Мухамед Савват, беру на себя смелость рекомендовать себя настоящим заявлением как поставщика не только для кают-компаний, но и команды судов русского флота. Относительно моей исправности, добросовестности, аккуратности и скорости поставки могут засвидетельствовать мои аттестаты, начиная с 1872 года (клипера «Абрек» и шхуны «Ермак» и всех русских судов, бывших в Александрии с означенного по настоящее время). Кроме того, не могу умолчать про то, что во время бомбардировки Александрии английскими судами в 1882 году, когда находились здесь крейсер «Азия», клиперы «Забияка» и «Наместник» и не могли они достать с берега провизию, я и сын мой Ахмед, будучи принимаемы на этих судах как за поставщиков и переводчиков, с немалой опасностью для себя все доставляли на эти суда в продолжение времени осадного положения города, что подтверждает газета «Кронштадтский вестник» 11 июля 1882 года № 80».

Далее идет большой список русских судов, которые обслуживал Савват. Среди кораблей — фрегаты «Князь Пожарский», «Светлана», «Минин» и «Герцог Эдинбургский», корветы «Боярин», «Баян», «Витязь», крейсера

«Европа» и «Азия», клиперы «Джигит», «Пластун», «Абрек», «Стрелок», канонерские лодки «Бобр», «Сивуч», «Маньчжур» и «Кореец», шхуны «Ермак», «Алеут»...

Тут позволим себе забежать немного вперед. Когда мы вернулись из плавания, то запросили в Ленинградском архиве выписки из «Кронштадтского вестника». Вот что сообщалось в газете с борта крейсера «Азия»:

«Покуда на недостаток и дороговизну провизии, как нас пугали, по приходе сюда пожаловаться нельзя; нам, русским, доставляет все необходимое араб Ахмед (Савват), которого наверно знают все бывшие здесь суда русского флота». И далее: «...Вообще, слухи столь разнообразны, что трудно найти истину. Наш поставщик Ахметка, вот уже две недели обещает, что будут макарони, и тогда он со своей фамилией будет спасаться у нас на крейсере. Макарони, это здешнее название, равнозначное словам: дать, ударить, убить, поколотить и пр. По его предположениям, московы, как нас называют здесь арабы и турки, пришли в Александрию защитить бедных арабов от произволов и вымогательств европейцев. «Арабам дает макарони англиз, московы — нет, московы корош душа, араб любит москов», — говорит наш политик Ахметка».

Но вернемся к нашему рассказу.

Азиз и Ахмед Савваты у своей конторы.

Три толстые папки — это история дружбы и сотрудничества Савватов с русскими людьми. Мы тоже перелистали эти рекомендации, письма, отзывы.

Мы сидим в шипшандлерской конторе — маленькой комнате, увешанной фотографиями. В нее попадаешь, шагнув через единственную ступеньку, прямо с узенькой улочки Эль-Ламоун, что протянулась неподалеку от порта. На дверях — бронзовая дощечка с надписью

«Мухамед Савват и сын — поставщики провизии и разных материалов для русских судов. Основано в 1871 году».

Сейчас дела ведет наш знакомый — Ахмед Савват. Мы пьем прохладный манговый сок, а он тем временем неторопливо рассказывает о своих предках. Их изображения красуются тут на видном месте — два овальных портрета в общей застекленной рамке. Справа — прадед Ахмеда — Мухамед Савват, в тюрбане, с лихо закрученными кверху кончиками усов, слева дед — Ахмед, с такими же усами и горделивым взглядом.

— Дед не только снабжал провиантом корабли из России, но и продолжал помогать русским путешественникам, приезжавшим в Египет, — рассказывает хозяин. — Вот сохранилась фирменная карточка. Взгляните...

Читаем: «Ахмед Савват, переводчик и проводник по всему Египту и Палестине».

Интересны также письма того времени, присланные русскими друзьями деду Ахмеду. Доктор Евгений Михайлович Бесметов, приезжавший в Египет помогать в борьбе с эпидемией какой-то болезни, благодарит друга-араба за все доброе, что тот для него сделал. А вот письмо из Коломбо, от сотрудника русской торговой компании Фирсова. Письмо относится уже к началу двадцатого столетия.

Между строк можно почувствовать беспокойство оторванного от родины русского человека, болеющего за судьбу своей страны. Он говорит о том, «что в России появились новые люди, за которыми может быть и будущее государства». Видно, что Фирсов очень доверяет своему знакомому из Александрии, что отношения у них самые дружеские. Два письма от путешественников—Степана Кистова и Александра Каялова из Ростова-на-Дону. В них снова выражение благодарности. Аттестаты экипажей русских судов, и среди них от моряков эскадренного броненосца «Наварин»...

— Третьим продолжателем дела стал мой отец — Мухамед, — рассказывает Ахмед.— Он ждет вас наверху. Отец не пропускает случая побеседовать с моряками из Советской России. Он интересуется всеми новостями и, знаете, особенно увлекся сейчас космосом! Посмотрите, чем украсил контору мой отец. — Ахмед указал на фарфоровое блюдо с портретом розовощекого, улыбающегося Гагарина. — Этот сувенир подарил отцу кто-то из старых советских капитанов, давних его знакомых. Кстати, ведь отец и сам бывал в России, правда, это было давно. Дедушка мой посылал его в Одессу изучать русский язык и бухгалтерское дело. Но об этом, конечно, отец лучше расскажет,

если вам будет интересно слушать. Есть тут одно письмо, как раз той самой поры — четырнадцатого года.

Шипшандлер порылся в папке и достал пожелтевший листок. Некий присяжный поверенный А. Бугаевский писал из Одессы в Александрию:

«Милостивый государь!

Сообщаю Вам, что Ваш сын оказался мальчиком послушным, способным, он знает много русских слов, пишет даже на машинке, и цифры. Первый день он несколько скучал, а потом освоился и теперь очень весел.

В пище очень он капризен и разборчив. Напишите ему, чтобы он ел все, что ему дают, так как пища очень здоровая, а он мало ест.

Мы несколько раз замечали, что он курит папиросы; это может отразиться на его здоровье, так как нужно принимать во внимание, что все-таки климат другой, поэтому напишите ему, пожалуйста, чтобы он непременно бросил курить. Курит он прячась от нас. Когда ему жена моя сказала, что она Вам напишет, что он курит, он стал уверять, что это неверно, а потом я его поймал. В общем же, он мальчик хороший.

С совершенным почтением

А. Бугаевский».

Сейчас Мухамеду Саввату шестьдесят пять. Годы и здоровье не позволяют ему бывать на судах, но он всегда просит сына приглашать к себе советских моряков. Иногда заходят к нему в гости старые капитаны, с которыми он познакомился еще задолго до второй мировой войны. И тогда разговорам нет конца.

И всегда вспоминает старик прекрасный черноморский город Одессу, где он многому научился, где близко познакомился с простыми людьми России, с моряками, рабочими, рыбаками. Мухамед вспоминает школу на Троицкой улице, Ярославскую улицу, по которой ходил в гости к девочке Катюше. Он мечтал выучиться и тогда сделать Катюше предложение. Но началась империалистическая война, и Мухамед возвратился в Александрию.

Потом в России произошла революция. Корабли оттуда стали приходить редко. А в двадцатом появились в Александрии белоэмигранты. На чем свет стоит они проклинали большевиков. Поначалу кричали, что еще вернутся назад, но постепенно утихомирились. Кое-кто из бывших царских офицеров, промотав вывезенные из России драгоценности, поступил служить в полицию.

Все это происходило на глазах Мухамеда. Контора в те годы едва не прогорела, ибо не стало у Савватов постоянных заказчиков. Од-

нако они не теряли надежды, верили, что наступит день и придут в Египет корабли из новой России. И что это, наверно, очень правильно, если народ взял власть в свои руки.

— Я хорошо помню тот радостный день, когда в порт прибыло первое судно из Советской России,—рассказывает старый Мухамед. — Отец прибежал домой взволнованный и сообщил, что на рейде — пароход из Ленинграда, что нужно тотчас брать шлюпку и плыть к нему. Я навсегда запомнил название парохода: «Красный Профинтерн». Это было в январе 1924 года...

По-русски старый Мухамед говорит хорошо, почти без акцента. Правда, выпадают порой из его памяти некоторые русские слова, он качает головой, мучительно вспоминает, сетуя на старость, и очень радуется, когда, наконец, сам находит их.

В комнату на втором этаже дома, где мы беседовали со старым Мухамедом и Ахмедом, входили люди. Это были тоже Савваты: стройный, порывистый Азиз, второй—после Ахмеда—компаньон отца, круглолицый степенный Али в очках, которые очень шли ему—чиновник городского муниципалитета. Потом заглянули еще два сына Мухамеда: робкий юноша Хамит — еще школьник, и сухопарый Самед—студент Александрийского университета. Все

они, по семейной традиции, в той или иной мере знают русский язык. Во всяком случае, беседа у нас стала общей.

Старик гордится своими сыновьями и говорит о них с удовольствием. Радость отцу, когда все они идут верной дорогой и делают успехи, каждый на своем поприще. Особое внимание в беседе было уделено Самеду — как-никак, он будет первым человеком в роду, который получит высшее образование, станет агрономом. Всем сыновьям дать возможность окончить институт Мухамед был не в состоянии — это дорого, не по средствам, доходы конторы не столь велики. Но учить Самеда было решено семейным советом. Самед блестяще учился в школе, и все в доме единодушно поддерживали предложение отца дать юноше университетское образование.

— Куда после университета? — спросили мы Самеда.

Он вскинул брови:

— На Нил, на новый Нил, конечно! Вот строится Асуанская плотина, расширится оросительная система, а вода у нас в стране — это урожай. Вы привезли грузы для Асуана?

— Да.

Самед кивнул головой:

— Я говорил с советскими специалистами, которые приезжали отдыхать в Александрию

Дед Мухамед Савват с внуком Али.

оттуда, с юга. Говорят, что построят первую очередь раньше срока, и это случится очень скоро. Мне так хотелось побывать там, но это далеко. И там очень жарко. Не только русским, а и нам, арабам, трудно, особенно в августе. Об этом пишут в газетах. Трудно, но все работают, вот что замечательно!

— Самед после университета собирается в Асуан, — подтвердил глава семейства. — И

знаете, у него есть на это свои основания. Мы с ним как-то уже говорили об этом. Ведь там, на плотине, работают люди из Советской России. И не забывайте—он—Савват...

Сказав это, старик многозначительно улыбнулся.

— Да, да, Савваты всегда вели дружбу с русскими, ей не будет конца. Самед поедет на Садд аль-Аали!

Постепенно разговор снова вернулся к делам конторы, к ее интересной истории, к той далекой поре, когда на рейде Александрии появился «Красный Профинтерн».

— Служил тут в полиции в двадцать третьем году некий Николай Николаевич по фамилии Кравченко — эмигрант, в прошлом офицер русской царской армии. Получилась у нас тогда с ним серьезная вражда, — рассказывает Мухамед. — Кравченко этот и еще несколько эмигрантов решили сделать так, чтобы кораблям из Красной России в Александрии ничем не помогали: ни воды не давали бы, ни провизии. Он через разных там чиновников добивался такого запрета. К нам в контору ходил и угрожал: только попробуйте, дескать, обслужить красное судно, тогда вам несдобровать. Держался он нахально, говорил грубо, в ту пору все это сходило ему с рук, хозяйничали на нашей земле англичане и французы. А

мы—арабы. Стоит ли с нами церемониться? Вот он и свирепствовал.

Однако отец мой не послушал этого Кравченко, и поехали мы с ним на «Красный Профинтерн». Думали — будь, что будет. Но все обошлось. Хотел того Кравченко или нет, а с Советской страной стали уже считаться. Власти побряхтели, но разрешили поставить парход к причалу. Моряки попросили снабдить их продовольствием, мы всем их тогда и обеспечили. Вот аттестат, который советские моряки выдали тогда моему отцу.

Мухамед протянул нам маленький листочек бумаги, вырванный из тетрадки.

«Аттестат сей дан Ахмеду Саввату в том, что во время стоянки в порту Александрия парохода Государственного Балтийского пароходства «Красный Профинтерн» с 19/1 по 2/II—1924 года он, Ахмед Савват, поставил на парход провизию для всего экипажа. Все заказы выполнил аккуратно и честно, продукты давал дешево и хорошего качества, что позволяет нам рекомендовать его как добросовестного и честного человека и вполне лояльного к Советской власти».

Документ подписали: капитан (фамилия его неразборчива), старпом И. Карасев и четвертый помощник капитана Н. Прохоров.

— Ну вот, снова мы стали тогда сотрудни-

чать с Россией, но теперь уже с Советской Россией, — сказал старик. — Пошатнувшиеся дела наши начали быстро поправляться.

— А Кравченко?

— О, он еще причинил нам немало неприятностей, нагсваривая властям, угрожал. Приходилось оправдываться, защищать себя. В конце концов Кравченко понял, что ничего не может изменить, и отвязался.

Все больше советских пароходов стало приплывать в Александрию, и наша связь с ними крепла. Приходили «Эльбурус» и «Батум», «Теодор Нетте» и «Карл Либкнехт», «Леонид Красин»... Да разве всех упомнишь, — десятки кораблей, тысячи встреч!

Все почтительно молчали, когда говорил старый Мухамед. В кабинете его, чистом и скромном, стояла тишина.

Квартира у Савватов сравнительно невелика для такой большой семьи. Кроме кабинета — общая, довольно просторная столовая, две спальни, детская и кладовая. Да еще дворик на крыше, где сушится белье и бегают куры. Мебели в доме мало, а та, что есть, простая, но добротная. Во всем чувствуется привычка к строгой экономии — Савваты никогда не были богатыми людьми и копейку считали. Достаток давался немалым трудом, шипшандлеровская работа — дело хлопотливое.

Хозяева пригласили нас выпить кофе. Его подавала в маленьких чашечках дочь Ахмеда — Мервет, девушка с быстрым, пугливым взглядом больших, черных глаз.

Прибежали в столовую два курчавых круглоголовых мальчугана, сыновья Ахмеда — близнецы Мухамед и Али. Они вначале чинно, по-взрослому, представились нам, а потом забрались к деду на колени. Дед подмигнул Али, что-то шепнул ему на ухо, и малыш стремглав выбежал из комнаты. Старик поднял кверху палец, давая нам понять, что сейчас будет что-то интересное. Али через минуту вернулся и выложил на стол четыре портрета — открытки наших космонавтов Гагарина, Титова, Николаева и Поповича. Малыши с блеском продемонстрировали свое знание фамилий советских звездных братьев.

Нет, это не было инсценировкой, разыгранной специально для нас, советских моряков. Все происходило непосредственно, искренне. Просто в семье действительно интересуются нашей страной и от души гордятся дружбой с русскими людьми. А тут еще такое дело — космос! Старик Мухамед посетовал, что в его коллекции нет еще портретов Терешковой и Быковского. Скоро, однако, будут — открытки космонавтов обещали привезти одесские моряки.

...Ахмед провожает нас в порт. Это недалеко, и мы идем пешком. По дороге разговор заходит об ожидающейся национализации шипшандлерских контор и создании единой государственной фирмы, которая будет снабжать все иностранные суда.

— Что ж, это дело хорошее, — говорит Ахмед. — Будет одна крупная организация вместо десятков мелких частных контор.

— Но ведь тогда закроется и ваша контора? Вы потеряете доходы, а мы — испытанных поставщиков.

— Доходы не так уж велики, чтобы о них печалиться. Изменений больших и не произойдет, дружба останется дружбой. Савваты, как и раньше, будут встречать суда из Советского Союза. После национализации мы станем агентами государственной фирмы, и по установившейся традиции нас будут присылать на ваши корабли. Так что и в будущем непременно увидимся, если опять попадете в Александрию.

Прощались с Ахмедом на развилке дороги. Мы возвращались на «Лермонтов», а шипшандлер направлялся на другое советское судно — «Вторая пятилетка». Тропинки расходились под острым углом. Мы шли медленно и еще долго наблюдали фигуру Саввата, видели, как ему приветственно махали рукой грузчики, погонщики мулов. Его хорошо зна-

ли все в порту и явно уважали. Как не уважать Савватов, если у них столько друзей, если они встречают корабли из России, привозящие грузы для Садд аль-Аали...

В полночь от причала отправился на юг железнодорожный состав с камнедробилками для гигантской стройки. Это были наши, советские машины, доставленные пароходом «Лермонтов».

Выбираем маршрут

Приглашение Рюрика Михайловича Лаврова не давало нам покоя, и мы решили во что бы то ни стало добраться до наших лоцманов, занятых на Суэцком канале. Но как? Выручить могла только некая оказия. Однако такой не предвиделось. Ускользнул и последний шанс — группа советских рабочих и специалистов с Асуана, две недели отдыхавшая у моря, в день нашего прихода в Александрию выехала обратно. Мы могли бы доехать с нею до Каира. А оттуда до обиталища лоцманов, можно сказать, рукой подать. Ждать отъезда следующей группы отдыхающих не было смысла, ведь она тоже пробудет в Александрии не менее двух недель.

Поскольку речь зашла об отдыхающих, мы не можем не отметить эту поистине замечательную заботу о наших людях. В самом деле, для человека, намаившегося на стройке в невообразимом пекле, куда воду доставляют за пятьдесят километров, и ее всегда не хватает, отдых у моря крайне благотворен. Вот и приезжают наши ребята группами по двадцать—тридцать человек понежиться на золотых александрийских пляжах, подышать соловатовым морским воздухом. Отдохнут — и с новыми силами опять за работу.

Надо отдать должное нашему консульству в Александрии — заботится оно о наших людях. У маленького коллектива консульства всегда полно хлопот — и асуанцев встретить, и моряков; то медицинская помощь нужна, то уставшие от дальнего перехода матросы просят организовать спортивные состязания или устроить экскурсию в окрестности города... Одним словом, у работников, представляющих здесь нашу страну, дел хватает. И поскольку они так хорошо относятся к морякам, почему бы и нам не обратиться к ним за помощью? И мы направляемся к генеральному консулу — Василию Семеновичу Азовцеву.

Выслушав нашу просьбу, он насупился:

— А на чем же я вас туда отправлю, дорогие друзья? Ну, формальности с властями я

улажу, а транспорт? Как хотите устраивайтесь, тут я вам не помощник.

Но уже к вечеру Василий Семенович сменил гнев на милость, тем более, что нашлась и попутная машина.

— Поезжайте. Гидом будет наш шофер Антуан. Он хорошо знает страну и немного даже говорит по-русски.

Мы поблагодарили Азовцева. Лучшего варианта нельзя было и придумать.

Наутро к борту «Лермонтова» подкатила бежевая «Волга». Из нее вышел высокий, плотный человек с веселыми глазами и традиционными для восточных людей усами. Это был Антуан—египетский армянин.

— Са-адытесь, — протянул он своим мягким, певучим голосом. — Как поедем?

Антуан развернул карту, изображающую страну от Александрии до Асуана. Очень характерная карта: на желтом фоне изображен «пышный цветок» на тонком стебельке. Желтый фон — это безбрежная пустыня, которая занимает девяносто шесть процентов территории ОАР. «Пышный цветок» — треугольник Александрия — Порт-Саид — Каир *, цветущая земля, напоенная водами Нила. А сам Нил—

---

* У Каира Нил разделяется на два рукава — Дельту и Розетту, образуя знаменитую Нильскую дельту.

и есть тот «стебелек», который постепенно суживается книзу, и у Асуана представляет собой совсем тоненькую голубую ниточку. Здесь, говоря привычным морским языком, примерно на 24° северной широты и 32° восточной долготы и сооружается плотина.

Мы с интересом разглядываем карту. Антуан говорит:

— Асуан не поедет, далеко очень.

Мы знаем, что не сумеем туда добраться, и вздыхаем. Антуан показывает на далекий город и, обведя пальцем овал вдоль нижнего Нила, говорит:

— Эта карта устареет скоро. Здесь тоже так будет, как тут. — Он показывает на треугольник.

Да, эта карта действительно скоро устареет, потому что и внизу пышно зазеленеет, насытившись водой, плодородная земля.

Антуан не случайно спросил: как поедет? В Каир от Александрии ведут две дороги: одна — через пустыню Сахару, другая — среди цветущих полей и пальмовых рощ, через множество городов и селений. Нам приглянулась вторая.

— Дорогу хорошую выбрали, — смеется Антуан.

«Волга» с трудом выкарабкалась из забитого грузами порта, промчалась по шумным

улицам восточного города и, наконец, — вот оно — шоссе, ведущее в Каир! Миновали красивую рощу финиковых пальм, с горящими на солнце зреющими плодами, и взяли курс прямо на юг. Черная лента дороги с шуршанием побежала навстречу нашему автомобилю. По обеим сторонам раскинулись огороды, кукурузные и рисовые поля, плантации табака и хлопка...

С лица Антуана не сходит улыбка, сверкают под черными усами белые зубы — такой уж он человек. Перекидывая баранку на повороте, неожиданно спрашивает:

— В Армении бывали?

— Бывали, — отвечаем.

И тут на нас посыпался град вопросов. Гиперболическое любопытство его объяснялось, впрочем, совсем просто — скоро вместе с семьей он должен ехать в Армению. Поэтому все его интересовало: как там с работой? Сумеют ли его дети учиться? Где лучше жить — в деревне или городе? Большой ли ныне город Ереван и не перевелась ли рыба в озере Севане? А потом он сказал, что пил хорошее армянское вино «Раздан» — оно похоже на египетское вино «Царица Клеопатра», — заключил водитель.

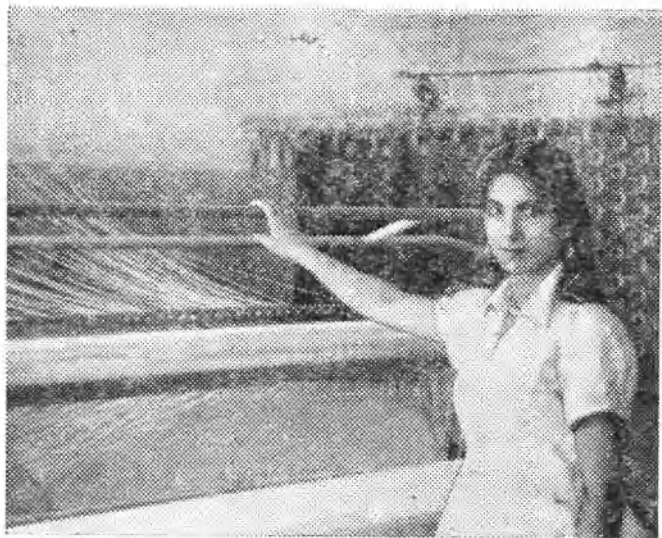
Когда-то, давным-давно, предки Антуана уехали из Армении, исколесили много стран.

Всюду «для счастья» не хватало одного — денег. Надоело гоняться за неуловимым счастьем, осели в Египте. Антуан тут и родился. Вырос, женился, пошли дети. Из газет узнал: многие армяне возвращаются в родные места. Потянуло и его на родину. В семье встретил полнейшее одобрение: жена—«за», дети—«за», даже старики и те не против. Антуан выхлопотал разрешение. Естественно, волнуется в ожидании встречи с землей своих предков.

Фабричные девчонки

Стоп! Машина резко затормозила. Шофер огляделся и свернул с автострады влево, к городку Кафр эль-Давар. Там находится текстильный комбинат. Мы, пожалуй, преждевременно пожаловались па Антуана. Он хотя и донимал нас расспросами, но свою роль гида выполнял честно. И вот первый сюрприз. Антуан понимал, что нам интересно будет посетить одно из крупнейших государственных предприятий страны.

Комбинат принадлежит правительственной компании «Миср» (Египет). Строился по проектам египетских специалистов. Здесь три фабрики по производству пряжи и тканей. Белые просторные корпуса хорошо распланиро-

Девушка с текстильного комбината в Кафр эль-Даваре.

ваны. В них одновременно крутятся более ста семидесяти тысяч одиночных и около тридцати трех тысяч двойных веретен. Хлопок, конечно, свой, египетский, прославленный на весь мир. В комплекс предприятия входят также и жилые дома, спортивный клуб со стадионом, школа, кинотеатр, поликлиника.

Идем по светлым и просторным цехам, оборудованным современными машинами. Мысленно сравниваем тот Египет, который отложился у нас в памяти под влиянием давно прочитанного, с тем, который видим теперь своими глазами. Еще недавно английские промышленники рассматривали эту страну как хлопковую плантацию Ланкашира, как рынок сбыта своих товаров. А теперь? Всего лишь десятилетие назад Египет добился политической независимости и уже обретает экономическую самостоятельность — без помощи «цивилизованных опекунов» и даже вопреки им.

Известно, что до 1952 года Египет никогда не вкладывал в развитие промышленности более 15 миллионов египетских фунтов. В 1963 году вложено без малого 200 миллионов. Численность рабочих увеличилась вдвое.

Умерла давняя теория колонизаторов о неспособности восточных и африканских народов самостоятельно вести хозяйство. И это особенно понятно в наш век, когда в мире существует мощный социалистический лагерь и у слаборазвитых стран появились верные друзья и надежные помощники.

Советский Союз помогает Египту в создании тридцати восьми промышленных предприятий.

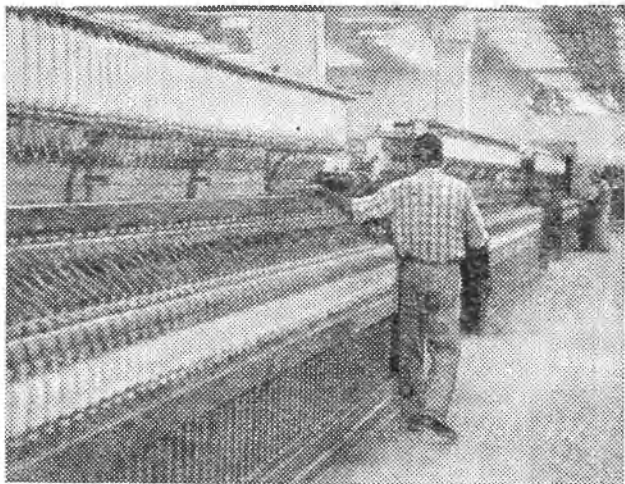
Имеется весьма существенная разница

между социалистическим и капиталистическим подходом к экономической помощи. И это отлично понимают в ОАР. У всех на виду пример металлургического комбината в Хелуане. Его построила в 1958 году западногерманская фирма «ДЕМАГ». Мало того, что фирма оснастила предприятие устаревшим оборудованием двадцатых годов, она «забыла» построить коксохимический завод! В результате Объединенная Арабская Республика вынуждена покупать кокс в той же Западной Германии.

Сейчас на металлургическом комбинате в Хелуане с помощью Советского Союза закончилось создание коксохимического производства. Теперь страна избавится от необходимости тратить дефицитную валюту на покупку кокса и попутного ему продукта — фенола. ОАР получит возможность производить также свои смолы и сырье для азотных удобрений.

Египетский народ много сил и средств вкладывает в развитие национальной промышленности. Товары с маркой «Сделано в ОАР» можно увидеть там в любом магазине.

Ныне западные экономисты, говоря об Объединенной Арабской Республике, проявляют все меньше скептицизма по ее адресу. Республика досрочно завершила свой первый пятилетний план. Хорошие плоды дала национализация промышленных предприятий, по-

В цехе текстильного комбината

ложительную роль сыграл секвестр, наложенный на собственность многих частных владельцев. Сокращение импорта предметов роскоши и временное запрещение туристских поездок за границу сэкономило немало валюты, идущей на строительство жизненно необходимых предприятий.

На комбинате в Кафр эль-Даваре мы воочию наблюдали, чего может добиться народ,

сбросивший цепи колониализма. Ткани этого предприятия — первая египетская текстильная продукция, которая появилась на иностранных рынках и завоевала там прочное положение. Было затрачено, конечно, немало труда, чтобы добиться этого. Хлопководческая экспериментальная станция в Гизе вывела новый вид хлопка, из которого вырабатываются наитончайшие нити. Килограмм такой пряжи можно растянуть на 270 километров. Это больше, чем расстояние между Александрией и Каиром!

Все это хорошо, конечно, скажет читатель, но при чем тут «фабричные девчонки»?

А вот при чем. Мы обошли все цехи фабрики. И всюду — у автоматических прядильных машин, у ткацких станков — видели работающих мужчин. Только мужчин! Для нашего глаза это не совсем привычно, ибо мы знаем, что у нас на таких предприятиях больше заняты женщины — труд этот высоко механизирован. В ОАР еще очень мало национальных кадров, а те, что есть, в основном мужчины, до женщин еще «очередь не дошла». Мы это понимали, а потому и не удивлялись.

И вдруг в последнем — упаковочном цехе мы увидели девушек-арабок. Они управляли сложной машиной. Их трое. Все они выходцы из крестьянских семей. Их родители — фелла-

хи — работают на хлопковых полях района Кафр эль-Давар. Отцы ходят в традиционных галабиях, а матери еще закрывают лицо. Девушки же одеты по-европейски, их открытые лица светятся счастьем, они улыбаются. Еще бы, ведь они могут работать у станка наравне с мужчинами! То, что стало обыденным у нас, здесь пока еще в самом зародыше.

Когда девушки первый раз пошли на фабрику, во всей деревне только и было разговора, что о них. «Бесстыдницы!» — шипели старухи. А теперь все привыкли и даже одобряют, особенно молодежь.

«Волга» встречается с Нилом

И кто это распустил слух, что ослы упрямы? По нашему мнению, у них золотой характер. По дороге мы их видели сотни. Жара — не жара, быстро перебирает тонкими ногами покорное животное. На нем столько навьючено, что и самого-то его под ношей не видно. На одном ослике уселись сразу двое толстенных мужчин да еще заставляют его бежать.

Ослики с туго набитыми тюками по бокам, ослики, запряженные в тележку, на которой гурьбой уселись арабчата. Вот маленькое жи-

вотное тащит на себе две стальные трубы. Из таких укладывают нефте-и газопроводы. Значит, где-то поблизости тянут новую подземную «нитку». В ОАР автомашин для всехстроек еще не хватает, и поэтому, как мы уже говорили, в большом ходу остается испытанный веками гужевой транспорт.

На этой дороге мы наблюдали немало живописных сценок. Катит на велосипеде араб, сам в белой галабии, над головой держит зонтик, а сзади сидит мальчишка, уцепившись ручонками за отца. У обочины дороги буйвол медленно шагает по кругу, вращая колесо, подающее живительную влагу на поля. Так он безропотно ходит долгими часами день за днем. Глаза животного прикрыты мешком, чтобы у него не закружилась голова. Так же ходили буйволы, может быть, и тысячу лет назад. Что будет, если это монотонное шествие животных вдруг остановилось бы?

Через несколько лет на месте цветущего оазиса взвились бы к небу песчаные смерчи, и пройти по этим местам сумел бы лишь испытанный «корабль пустыни» — верблюд. А вот и он невозмутимо шлепает по обочине дороги, покачивая горбами, между которыми укреплены тюки с хлопком, за ним — второй, третий... Целый караван. Но куда этому каравану до грузовика! Он один везет столько, сколь-

Дорожная сценка.

ко все эти верблюды вместе. О скорости и говорить не приходится. Грузовик прогудел, прося уступить дорогу, и, обойдя караван, умчался в сторону Кафр эль-Давара.

Под сенью раскидистого дерева, у самого шоссе расположилась семья феллаха. Рядом — арба, под которой возятся ребяташки. Женщина готовит пищу на тлеющих между кирпичами углях. Хозяин распрягает буйволов... После трудов праведных пора и перекусить, а там — снова за дело.

Женщина в черном изаре несет на голове огромный кувшин с водой, ведет за руку тоненькую девочку. Лицо женщины закрыто. Но мы уже другими глазами смотрим на эту мусульманку. Недалек тот час, когда и она откроет лицо, как это сделали девушки с текстильной фабрики. Во всяком случае, дочка, что бежит около ее юбки, наверняка будет жить иначе, чем ее мать.

... С полей слышался рокот. Повеяло чем-то близким, знакомым, воображение унесло на русские равнины: трактор! Он тарахтит на кукурузной делянке, а вокруг люди в длинных белых и полосатых одеждах. «Железный конь» — редкий гость в здешних местах. Верблюд, ослик, буйвол — ими тысячи лет обходился феллах. А теперь и для его уха стал привычным звук мотора.

Почти у самой дороги — бульдозер вороочает груды земли. Управляет машиной усатый араб в тюрбане. Антуан притормозил у перекрестка, и мы разглядели на радиаторе марку «ЧТЗ». Приятная встреча с земляком-уральцем.

А это... Что за чудеса? Корабли плывут по земле! За кронами деревьев, обрамляющих шоссе, мимо телеграфных столбов, движутся огромные белые паруса. Рядом — гудящие провода, по которым бегут слова со скоростью

света, а тут неторопливые, будто из древней сказки, паруса. Не мираж ли?

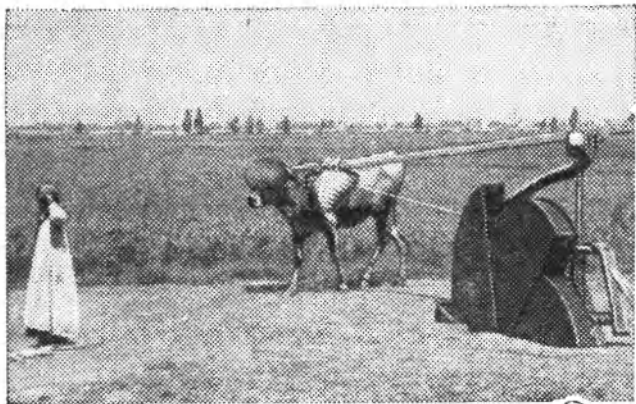
— Там канал, — сказал Антуан, видя, как мы старательно нацеливаемся на паруса объективами фотоаппаратов. «Волга» слегка замедлила ход. Самого канала и судов из-за насыпи не видно, поэтому паруса и выглядят столь загадочно, непривычно для глаз.

Этот канал — один из сотен, отведенных от Нила. Вместе они образуют сложную ирригационную сеть, которую не без основания называют здесь кровеносной системой страны. Она несет земле плодородие, драгоценную воду.

По каналам идут парусные баржи с грузами. Подул, скажем, даже слабый ветерок, почти не приносящий прохлады, а паруса уже наполнились, и баржи «снялись с якорей». Когда штиль, паруса обвисают, и баржи, прижавшись к берегу, ждут, когда снова подует попутный ветерок.

Арабы необычайно бережно обращаются с водой. Моторным судам движение по каналам запрещено, чтобы вода не загрязнялась нефтью и не размывались волнами берега. Воду не только пускают на поля, но и пьют.

Но вот, наконец, и легендарная река. У городка Кафр эль-Зайат «Волга» встретилась с Нилом. Мост разведен — по реке идут боль-

Ходит по кругу буйвол, качая воду на поля.

шие суда. Мы подъехали к переправе одни из первых. Через полчаса за нами вырос длинный хвост машин. Еще один признак нового Египта: в колонне почти не было легковых, туристских машин, а шли сплошь грузовые, везущие оборудование, сельскохозяйственные машины, камень, цемент... Республика строится!

Встречалось нам по дороге немало жалких лачуг — бедно еще живут феллахи. Но мы видели и новые деревни, где чистые улицы, беленькие домики, где школы и медицинские

пункты. Правда, их еще мало на этом пути. В основном, застраивается «египетская целина» в Ливийской пустыне. Там, в районе двух оазисов — Харга и Дахла — обнаружено «подземное море». Место это получило название «Новой долины». Из газет мы знали, что из губернаторства Сухаг, расположенного в Верхнем Египте, туда, на новые орошенные земли уехала первая партия переселенцев. Каждая семья получила пять-шесть акров земли, дом и корову...

Около часа любовались мы широкой рекой, вода которой по цвету напоминает какао. Мы спустились к воде, чтобы омыть лицо и руки в священном Ниле.

Но вот мост сведен, по нему хлынули потоки машин.

«Волга» пересекла Нил.

Сплетение веков

Кто-то из любителей красного словца пустил по свету такую фразу: «Будущее Египта в его прошлом». Если этот человек искренне верил в то, что говорил, то он заблуждался: Если же он высказывал свою (и некоторых других) затаенную надежду, что так должно быть, его неминуемо постигнет разочарование.

Прошрое Египта действительно велико, но оно нисколько не может умалить будущего, которое нарождается сегодня. Древнее, разумеется, нельзя, да и нецелесообразно сбрасывать со счетов, ибо народ силен и своими традициями. Старые, полезные традиции могут служить хорошей опорой новому.

Каир немислим без своих четырехсот мечетей, и не только потому, что является религиозным центром арабского мира, но и потому, что почти каждая мечеть органически связана с историей страны. Это — знаменитые Амра, Ибн Тулуна, великолепная мечеть университета аль-Азхар, Кантарет эль Декка, аль-Акмар и султана аль-Хакима, мечеть-мавзолей Каит-бея и мечеть-медресе султана Хасана, купольная мечеть Синаи-Паши, «алебастровая» мечеть Мохаммеда-Али...

В полдень и в полночь с высоты минаретов муэдзины созывают мусульман: «...Идите на молитву! Идите ко спасению! Аллах превелик! Нет божества, кроме Аллаха!»

Когда-то муэдзины были слепыми, чтобы с высоты не могли подглядеть тайн дворов и террас мечети...

В эти часы весь мусульманский мир обращает свой взор к священной Мекке и совершает молитву.

Каир немислим без древних крепостных

стен с башнями Баб-ан-Наср, Баб-аль-Футух, Баб-аз-Зувайла. Но он не был бы столь привлекательным без университета, в котором учатся теперь тысячи студентов, дети разных сословий, и отменена плата за обучение.

Каир сейчас немыслим и без телевизионной башни, на которую взбираются приезжие, чтобы посмотреть на город с высоты птичьего полета... Оттуда Каир действительно виден весь как на ладони — старый город и новый.

К западу от великолепного сада Эзбекия на левом берегу Нила раскинулся район Замалик, застроенный виллами и высокими зданиями. Здесь издавна селились европейцы и европеизированная мусульманская знать. Этот квартал не характерен ни для старого, ни для нового Каира, он лишь подчеркивает роскошь, в которой жили имущие классы и колонизаторы.

Но вот строительство домов и общественных зданий в рабочих районах — в Имбаба, Шубра и аль-Фаваль, в жилом массиве Зеленом — говорит о новом дне города.

Старое, рутинное реконструируется и приобретает совершенно иной облик и смысл. Площадь Ат-Тахрир — «Освобождение». Раньше она называлась иначе. На ней начали было возводить памятник отцу Фарука — последнего египетского короля. Постамент воздвигли, но каменный король так и не въехал

на своем каменном коне на пьедестал. Настали иные времена.

Неподалеку от этой площади еще недавно как бельмо на глазу торчали красные кирпичные корпуса казарм британских войск. Как только последний английский солдат, покидающий страну, перешел мост Тахрир, застучали ломы и кирки. От цитадели захватчиков не осталось камня на камне.

Ежегодно 23 июня — в годовщину революции — на площади устраивается народная демонстрация. Поэтому площадь и называли — Освобождение. Площадь Ат-Тахрир окружена новыми зданиями: Дом правительства, в котором разместились министерства, административные учреждения; от площади лучами расходятся прямые, широкие улицы, застроенные многоэтажными зданиями из стекла и бетона, магазинами, гостиницами; облицована гранитом набережная Нила, возведены мосты, соединившие центр с островами Гезир и Рода. В 1964 году запланировано строительство метро. Вот этим новым и живут сейчас каирцы.

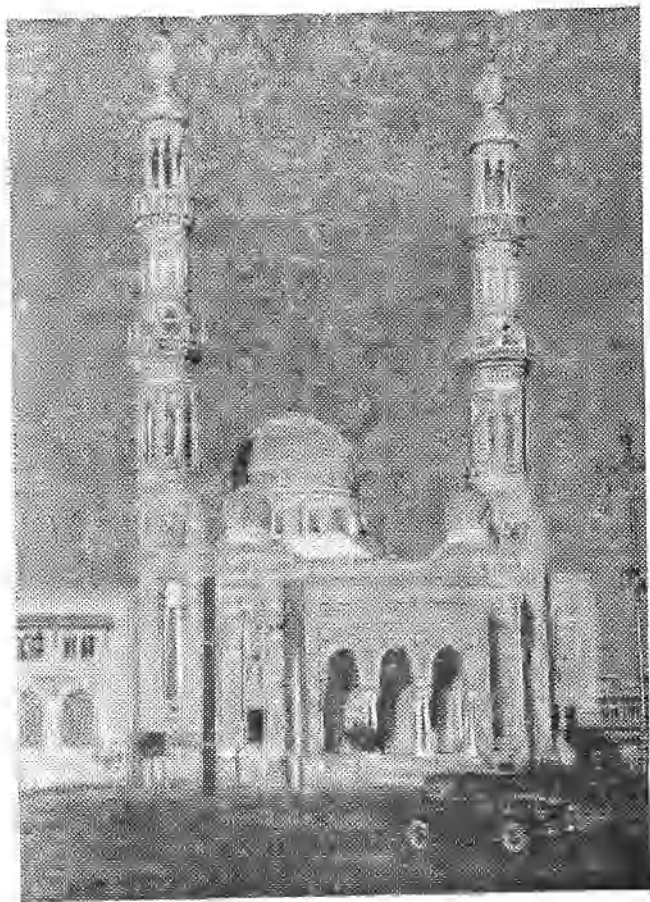
Когда мы находились в Каире, в городе происходило большое событие. Туда прибыли из Александрии, где ошвартовался корабль мира — «Литва», участники Третьей Всемирной встречи журналистов — представители семиде-

сяти стран. Мы присоединились к своим коллегам.

Собравшись по перу, люди различных убеждений, но обладающие профессиональной наблюдательностью, пристально вглядывались в Каир. Они сразу уловили черты нового, которые подчас ускользают от рассеянных, уткнувшихся в свои «Блю гайд» туристов. В вестибюле отеля «Хилтон», где остановилась часть журналистов, мы нашли такой «Блю гайд» — путеводитель, забытый одной супружеской парой, совершившей осмотр Каира. Около каждого рекомендованного объекта стояла галочка, означавшая: «В цитадели — были, у пирамид — были, в Египетском музее — были, в аль-Азхар — были, в Хан-Халиле — были, на могилах халифов — были, мавзолеей Мамелюков — посетили, в ресторане «Сахара-Сити» танец живота — видели...»

И все это осмотрено в один день. Невольно усмехнешься, когда представишь себе, на какой скорости была выполнена эта «обязательная» программа!

Журналисты, разумеется, стремились побывать на новостройках, на промышленных предприятиях, в Асуане. Для многих делегатов, особенно для тех, кто был здесь впервые или приехал после долгого перерыва, современный Египет оставался таинственным и за-

Новая мечеть в Каире — Имбаба.

гадочным, как сфинкс. Для многих молодая республика открылась в совершенно ином свете. Чего стоит хстя бы поездка в «медицинский город ОАР», расположенный примерно в 40 километрах от Каира. В те дни в лаборатории этого химического комбината, строящегося с помощью СССР, получили первый в Африке пенициллин. Директор комбината здоровья, доктор Вэлли, с гордостью говорил о том, что предприятие будет выпускать отечественные лекарства, столь необходимые стране.

Пытливому уму есть над чем поразмыслить в современном Каире. На улицах не проходите мимо книжных лавок. Там вы найдете произведения не только древних писателей и поэтов, таких, как Абу-Нувас или Ибн-аль-Мутаз, но и современных — писателя Абдурахмана аль-Шаркави, драматурга Тауфика эль-Хакима, писателя Юсуфа Идриса и других.

Обязательно купите томик одного из столпов арабской прозы — романиста Таха Хусейна. Он родился слепым. Но сколько людей прозрело, читая его книги, переведенные на многие языки мира!

Не забудьте ознакомиться с новым изобразительным искусством, с его основоположниками — скульптором М. Мухтаром, живописцами А. Сабри и М. Наги, чьи работы одухо-

60

творены высокой любовью к своей стране. Эта любовь ярко проявилась в творчестве ряда молодых художников, особенно во время империалистической агрессии против Египта в 1956 году. Только раз увидев картины М. Кадрави «Народ на защите Порт-Саида», Н. Шакера «Последствия войны» и А. Салиба «Мать» — никогда не забудешь волнующие образы, которые с такой силой выражают страдания и героизм народа. А какие живые, порой лирические картины из жизни рабочих создал М. Овейс, одухотворенные образы простых людей — художница Эмма Кали Аяд!

Многолик и противоречив Каир, соединивший в себе древнее и современное...

На привокзальной площади высится монументальная статуя фараона Рамзеса II, созданная неизвестным скульптором. Величественный памятник, найденный при раскопках, напоминает приезжим о великом прошлом страны. На другой площади Каира — монумент скульптора Мухтара «Пробуждение Египта». Выполненный в лаконичной манере традиционного древнеегипетского искусства, он символизирует будущее, к которому устремлены сейчас все силы сбросившей оковы страны.

Если эти монументы поставить рядом, они отлично дополняли бы друг друга, воссоздавая образ Египта наших дней.

Дыхание «Тысячи и одной ночи»

В Каире совсем не нужна «машина времени», чтобы совершать путешествия в глубь веков. Для этого достаточно обыкновенного автомобиля.

...Цитадель — место рождения современного Каира. За высокой крепостной стеной — мечеть Мохаммеда Али. У ограды, под сенью деревьев, недвижимо, словно окаменевшие, сидят мусульмане, монотонно и тихо напевая стихи Корана. Низко кланяясь и что-то бормоча под нос, проходит махзуб («ясновидящий»); бредут паломники — богомольцы из разных стран арабского мира. Многие преодолели тысячи километров пути, чтобы поклониться «святым местам», богатые — на самолетах, пароходах, автомобилях, бедные — пешком. Придет пора, и все они сольются в едином хадже* — нескончаемом шествии к священному черному камню Каабы и целебным водам Земзема в Мекке.

...У подножия холмов, начиная от крепости Мохаммеда Али, раскинулся «мертвый город». Вдоль узких, безгласных проходов жмутся друг к другу вечные «жилища» правоверных.

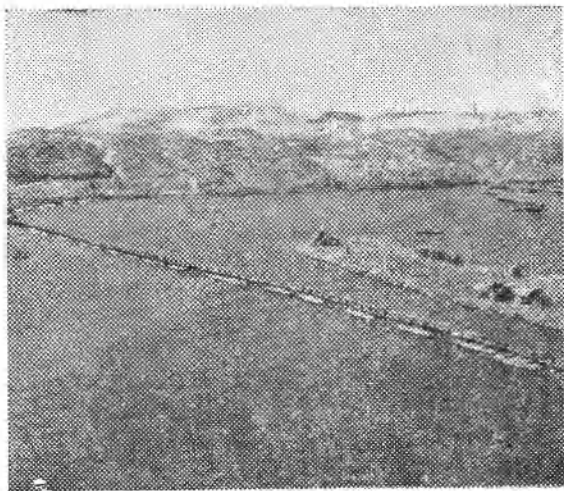
* Хадж — паломничество в священный город Мекку.

Застыли в немом величии мечети со «слепыми» окнами. С их минаретов не тянут свою заунывную песню муэдзины. Под тяжелыми могильными камнями обрели вечный покой грозные мамелюки и жестокие калифы. «Мертвый город», жуткое безмолвие. Несмотря на сорокаградусную жару, холодок закрадывается в душу...

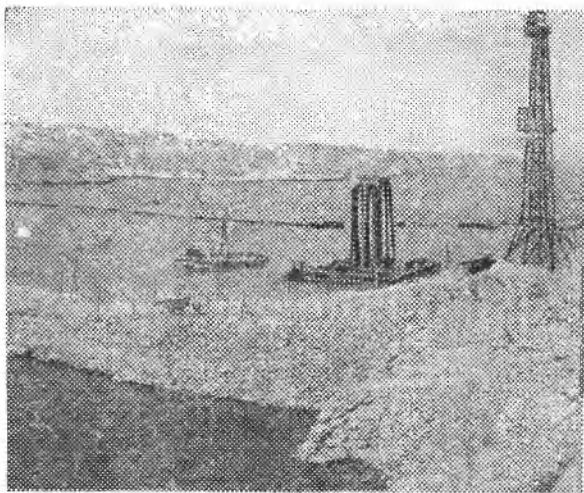
А здесь кипит жизнь. Это — знаменитые каирские базары Муске и Хан-Халила. Каждый турист, приехавший в Каир, спешит «отметиться» тут так же, как и на пирамидах.

Попадая на базар, окунаешься в атмосферу «Тысячи и одной ночи». Минареты древних мечетей вознеслись к небу; внизу — переплелись, как паутина, улочки, переулочки, тупики. Тесно прижались друг к другу старинные дома с внутренними дворами и зарешеченными балконами.

Кишмя кишит правоверный люд. Гомон, крики погонщиков мулов, цокот копыт, стук колес, вой ослов, зазывные голоса торговцев напитками и пряностями, па все лады расхваливающих свой товар. Мужчины подставляют солнцу и без того черные лица, женщины закутаны в изары, горланят бродячие чистильщики и водоносы. У этих — луженая глотка. Запахи пота, лука, чеснока, прогорклого масла...

...За эту дверь непременно надо заглянуть. Другой такой нет на всем белом свете, ибо в течение по крайней мере двух последних столетий она не закрывалась ни на одну минуту. Открой ее, и попадешь в знаменитую чайную «Эль-Фейшави». Нигде в мире не подадут такого вкусного и душистого напитка, как здесь. Тут никогда не бывает пусто — ни днем, ни ночью. Вот и сейчас посетители курят наргиле

Здесь перекрывается Нил.

и прихлебывают зеленый чай из маленьких пузатых стаканчиков. Со стены таращит желтые глаза засушенный крокодил.

Ночью здесь будет шумно, соберутся каирские знаменитости — артисты, писатели, поэты, художники, музыканты, начнутся споры. А сейчас говорят вполголоса...

Но что это? С улицы через открытую дверь донеслась веселая музыка. Бывалые посетите-

ли не шелохнулись, а случайные — кинулись на улицу. По ней двигалась живописная процессия.

Пестрая, шумная толпа расступилась. Впереди вышагивает оркестр, под музыку которого пляшут скоморохи, за ними шествуют невозмутимые верблюды с молчаливыми седоками, размахивающими яркими полотнищами. «Свадебная процессия, свадебная процессия!» — раздаются крики: «Женится богач Самед-Али!» (Толпа всегда все знает).

А где же невеста? Вон она, под малиновым балдахином, закутанная с головы до ног в белую вуаль. Здесь женятся по старинному мусульманскому обычаю, и невесту ведут сейчас в баню. Лишь после омовения начнется свадьба. Родственники, друзья, любопытные, зеваки... Хамдуляля! — Слава Аллаху!

Только шикарные, низкозадые лимузины да вездесущее «кока-кола» возвращают нас из сказочного средневековья в реальный мир Сегодня.

...Свернули в одну из боковых улиц, столь узкую, что и двум осликам не разойтись. Смолкли голоса, шум остался позади. Тишина нарушается лишь легким металлическим позвякиванием. Здесь царство экзотического древнего ремесла. Улицы пересекают друг друга и вьются, как узкие тропки в горах. Тут

чеканят и продают золотые, серебряные, медные изделия. Вот ряды сапожников, торговцев утварью, старинными украшениями и монетами. Лавки, лавки, лавки.

Возле них стоят, облокотившись на дверь, или сидят на корточках у порога хозяева. Они терпеливо ожидают покупателей и курят наргиле. Их наметанный глаз быстро определяет клиента: этот просто из любопытства забежал взглянуть на незнакомый мир, чтобы потом сказать у себя дома: «Когда я был в Египте...» А этот богатый турист всерьез намеревается купить дорогой сувенир — торговаться не будет. Скорее всего он мало смыслит в старине, ему можно всучить подделку. Такого нужно немедленно позвать в свою лавочку, набитую «чудесами». А этот покупатель опытный, его знают — нумизмат, собирает древние монеты. С ним нужно предварительно выпить чашечку кофе, поговорить о том, о сем, поинтересоваться, как идут дела, хорошо ли здоровье, а уж потом предложить товар.

Вдоль улицы, где продают чеканные изделия из меди, серебра и золота, сидят, склонившись над чашами и подносами, искусные мастера. Одни ловко орудуют тонкими инструментами, создавая узорчатый восточный орнамент, другие инкрустируют изделия серебром. Недорого стоит ювелирное изделие ремесленника,

хотя по исполнению своему является произведением искусства. Мастер стучит и стучит своим молоточком, так же, как стучал его отец, дед и прадед, как стучит тут же рядом его сын... Возраст этого ремесла исчисляется веками, оно передается из поколения в поколение и потому не умирает.

...Сгустились сумерки. Уже закрываются лавки одна за другой. Но не хочется покидать этот очарованный мир, как бы наполненный персонажами из «Тысячи и одной ночи».

Ресторан Али Хассан Хати такой же древний, как и арабский эпос. По крайней мере, так уверяет его владелец. И он не так уж далек от истины: это заведение упоминается в сказках Шахразады, ему посвятил некоторые строки Байрон, сам бывавший тут... Бесшумно ступает черноокий нубиец в красной шапочке, с подносом в руках. На столе появляется ароматная кюфта и нежнейший кебаб, волшебная нифа — по-особому зажаренное седелко молодой козы, потом традиционный кофе и мятный чай...

Полумрак... Дурманящий запах пряного табака... Откуда-то впечатление, что из глубин столетий, словно жаркий шепот красавицы, доносится восточная мелодия. Немножко воображения, и вы чувствуете прикосновение веков, слушаете быль, похожую на сказку.

Пирамиды

Старик араб внимательно выслушал нас, прищурил глаза, не спеша выпустил клуб дыма и сказал чуть надтреснутым голосом:

— Спасибо Мухамеду, не забыл, да продлит Аллах его дни! Сколько не виделись с ним!

Старик растрогался. Он умолк и снова сделал большую затяжку; глаза его приобрели задумчивое выражение, видно ожили дорогие сердцу воспоминания.

В Александрии старый Мухамед Савват сказал нам: «Когда будете в Каире и поедете в Гизе смотреть пирамиды, зайдите к другу моих детских лет, вы его легко найдете. У самой дороги, на повороте, поблизости от сфинкса увидите гору глиняных горшков. Там их всегда продавали, наверно, продают и сейчас. Неподалеку там живет Хасан Абузет. Еще мой отец дружил с его отцом».

Мы тогда не придали значения словам Мухамеда: разве возможно найти у подножия пирамид мало кому известного старика, да и будет ли время? Но, оказавшись у сфинкса и увидев гору разнообразнейших глиняных горшков, украшенных замысловатым орнаментом, мы невольно вспомнили слова Саввата. Горш-

Улица в районе Хан-Халила в Каире.

ками, действительно, торговали у поворота на пути от сфинкса в город по нижней дороге. Тут мы легко нашли Абузета. И вот теперь хозяин угощал нас очень сладким и очень горячим чаем. Расспрашивал и сам отвечал на вопросы:

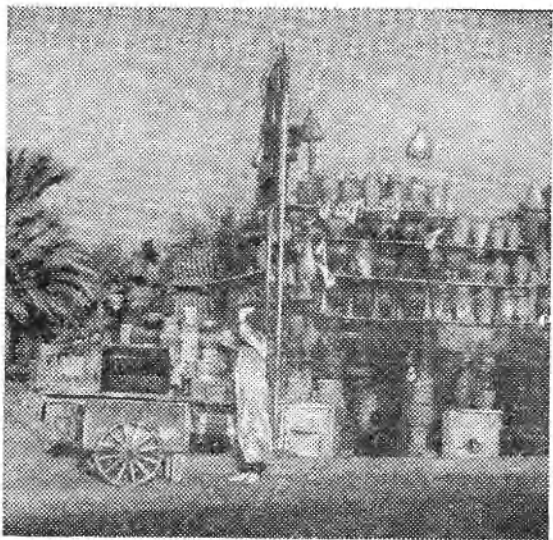
— Видели пирамиды? Видели, конечно. Вы знаете, сколько приезжает людей? Много приезжает...

Да, мы только что вышли из чрева самой большой и самой известной из египетских

пирамид — Хеопсовой, и еще находились под впечатлением увиденного и пережитого. Старик спрашивал, знаем ли мы историю ее возникновения? Конечно, мы знали. Знали о гигантских размерах пирамиды, и о том, что на ее постройку ушла целая гора известняка, и что сложена она из 2 300 000 каменных блоков, знали и о том, что внутри этой гробницы-крепости сорок столетий назад жрецы установили в погребальном зале саркофаг с мумией могущественного царя Хеопса, сложили в специальных кладовых горы драгоценностей, золотой посуды, произведения искусства, оружия...

Но слышать и читать — это одно, а видеть, ощущать — совсем другое. Когда идешь по лабиринту коридоров, тело пронизывает могильный холод и сердце учащенно бьется — ты переступаешь за порог тысячелетий. И невольно думаешь о тех, кто кровью и потом поливал эти камни, громоздя их друг на друга — выше и выше, к небу — без машин, без подъемных кранов, с помощью одних лишь мускулов, о тех несчастных, кто падал под ударами бичей надсмотрщиков и больше не вставал. Тысячи рабов гибли, чтобы сохранить набальзамированный труп фараона.

Рядом с гигантским сооружением возвышаются другие пирамиды — Хефрена и Мике-

Лавка глиняных горшков у пирамид в Гизе.

рина. Когда смотришь с холма, на котором предприимчивый делец построил ресторан «Сахара-Сити», сквозь марево жаркого дня можно разглядеть в бинокль расплывчатые силуэты пирамид Абусира, Саккара, Дашура.

— Так, значит, видели пирамиды? — снова спросил Абузет. И опять сам ответил: — Зна-

чит, видели. Я их знаю с детства. Мы с Мухамедом возили сюда туристов. И русских тут было немало.

Хозяин медленно прихлебывал чай.

— Дед Мухамеда, тоже Мухамед, первый подружился с русскими. Сначала был проводником, а потом начал поставлять провизию морякам из России, когда те приходили в Египет. И мой отец познакомился с людьми из России. Тогда он вместе с Ахмедом — это уже отец моего друга Мухамеда — обслуживал российских туристов. Я помогал своему отцу, а Мухамед — своему. Но потом Савваты стали жить только морем: встречали и провожали русские суда. А я все тут. Да, очень давно не виделись мы с Мухамедом Савватом, очень давно...

Хасан Абузет задумался, отломил кусочек медовой халвы, положил в рот, прожевал и стал подробно расспрашивать нас, как поживают сыновья и внуки его старого друга. Мы рассказали, что знали.

— И у меня есть внуки,— оживился старик. Он указал на мальчишек, гонявших мяч под самым носом сфинкса.— Вон тот, который сейчас упал, и еще тот, что бежит к мячу. Видите, каковы мои внуки? Ну, конечно, видите...

Признаться, мы не очень отчетливо поняли, которые из юных игроков были внуками Абу-

зета, однако из вежливости кивнули головой. Но та сценка, на которую указал старик, была поистине необычна. Какое удивительное переплетение веков: пирамиды и футбол, сверкающие лаком автомобили рядом с древним сфинксом, удивленным тем, что происходит на его земле. То ли еще будет!

Загадочный сфинкс! До сих пор ты изумлял людей. Теперь настал их черед изумлять тебя! За твоей каменной спиной — величественная пирамида Хеопса, а перед взором твоим — извечное божество феллахов Нил, на берегах которого ныне встает новое чудо — Садд аль-Аали!

Старик угадал наши мысли и заметил со вздохом:

— Время бежит быстро и все меняет, даже облик пирамид. В пору моего детства сюда приезжали верхом и в колясках, а теперь на автомобилях. Вот тут, на месте бензоколонки, раньше кормили лошадей, пахло сеном. А внутри пирамид вместо нынешних электрических лампочек горели свечи. Что же касается проводников, погонщиков мулов и верблюдов, то они одни, пожалуй, не изменились.

Да и туристы — тоже. Впрочем, сейчас туристы лишь ускорили... (старик подбирал современное выражение) темпы осмотра. Приедут на машине, на минутку заскочат в пира-

миду, потом сфотографируются верхом на верблюде, глянут на сфинкса и — дальше. Да, представьте себе, как и раньше, туристов интересуют не пирамиды, а их собственные персоны на фоне пирамид. Мой старший сын одно время служил проводником. А младший работает в гончарной мастерской. Вы видели, какие тут продают кувшины? Да, конечно, видели...

Закатное солнце малиново-красным диском повисло над пирамидой Хеопса. Оно опускалось осторожно, будто боясь напороться на вершину каменной громады. На фоне феерически горящего предзакатными красками неба пирамида казалась еще более величественной.

Мы попрощались со старым арабом.

В Каире, проезжая районом Гелиополиса, мы увидели другое творение рук человеческих, но такое же бесполезное, как пирамиды. словно огромная скала, там возвышается «мертвый замок» покойного бельгийского архимиллионера Амбо. Он тоже решил увековечить свое имя на манер фараонов. Однако сооружать пирамиду в двадцатом веке было бы нелепо, и он построил огромный замок, начинив его ценнейшими картинами и египетскими древностями. Умирая, этот самовлюбленный «оригинал» завещал, чтобы в замок не ступала нога человека. А так как земля, на которой построен

замок, была собственностью покойника, то это место стало пустынным. И что удивительно: сумасбродный завет умершего богача доныне строго выполняется! Все на участке и в замке погибает: высыхает сад, жухнут чудесные картины...

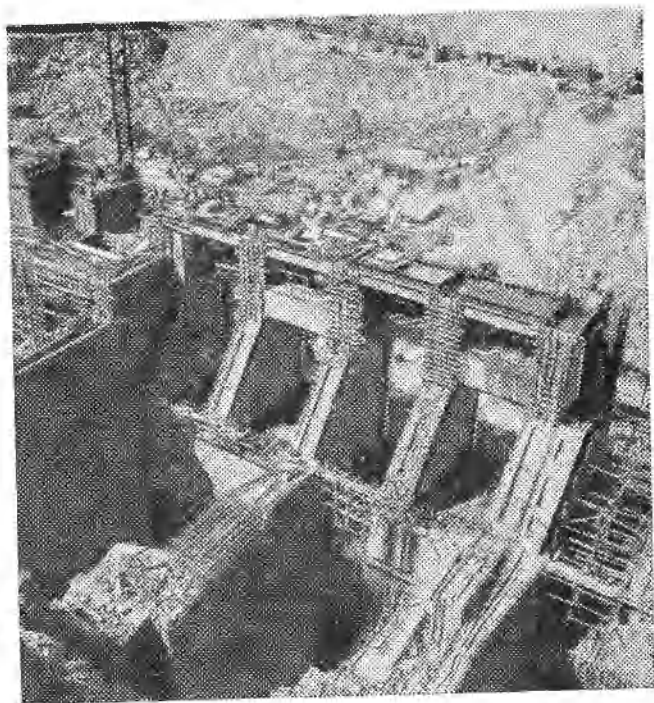
Только в одном бельгиец Амбо уподобился жестоким древним властителям: наживая богатства, он уморил голодом, замучил тяжелым подневольным трудом на золотых и алмазных рудниках Конго тысячи черных рабов.

Мрачный памятник империализму оставил бельгийский миллионер.

Укрощение владыки

Мощеной набережной нет конца. Вечерами тысячи каирцев прогуливаются здесь, любуясь величавыми водами могучей реки.

Нил! Хозяин страны! Веками держал ты в страхе людей, ибо их благополучие, сама жизнь зависели от твоих капризов. Люди издавна жались к твоим берегам, ибо лишь там родит земля, куда проникают твои живительные соки. И ты всегда сознавал свою силу, показывал свой капризный нрав. Хотел — одаривал людей благами, хотел — разорял. Когда

Строится здание Асуанской ГЭС.

ты гневался — печаль ложилась на чело народа, люди затягивали потуже пояса.

Ты то слишком расточительно разольешь свои воды, разбушуешься и тогда рушишь плотины, уничтожаешь урожай. А то, наоборот, скупишься, словно ведешь счет каждой капле — и тогда посевы выгорают. Напрасны в такую пору стенания и молитвы несчастных феллахов: ты жесток и неумолим. Но люди, веками почитавшие тебя как божество, даже не роптали, боясь разгневать своего кормильца.

...Мы идем к берегу Нила вечерними каирскими улицами после пресс-конференции у президента республики Гамаль Абдель Насера, которую он устроил делегатам III Всемирной встречи журналистов. Мы идем от здания парламента не спеша, вдыхая прохладный воздух, любуясь вечерними огнями города. Не очень поздно, Каир еще бодрствует. К драматическому театру съезжаются зрители, идет какая-то древняя трагедия. А рядом — новый анонс — афиша, оповещающая о том, что скоро — премьера пьесы Чехова «Дядя Ваня».

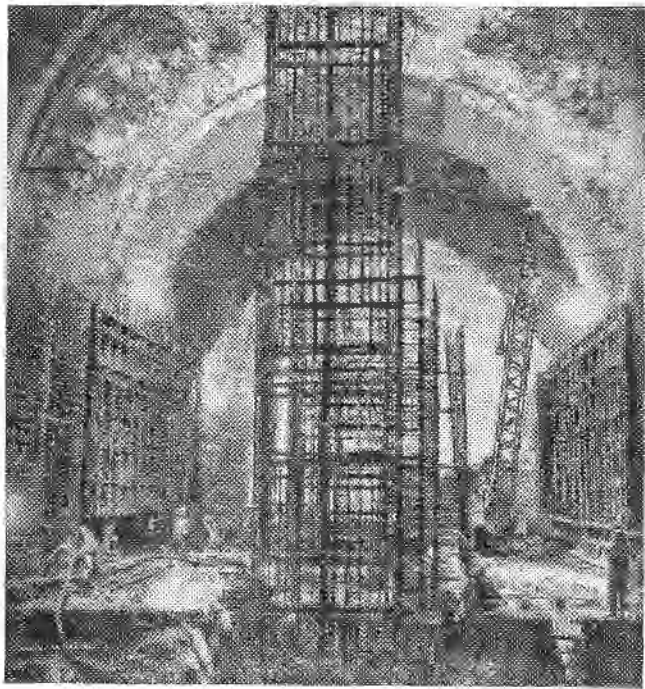
Прямо на тротуарах сидят на корточках торговцы восточными сладостями и прохладительными напитками. Их лица освещаются светом керосиновых ламп, поставленных тут же, рядом. Горят неонов витрины магазинов. В

небе мерцают яркие южные звезды; к ним тянутся минареты древних мечетей. Заполнены кафе. Их столики выставлены кое-где на улицу. Люди пьют сладкий чай, крепкий кофе, потягивают пиво или курят наргиле, о чем-то спорят, слушают радио. Вот доносятся звуки пения сладкогласой Умм Кальсум, поющей о любви и о Ниле, к которому лежит наш путь.

Чудесный вечер тих и таинствен. Внизу, под гранитным барьером, река плавно катит свои воды, отражающие россыпи городских огней — желтых, красных, белых. Они вспыхивают слепящими бликами за кормой парохода.

В такие минуты ничто не мешает думать. Мысли текут тоже плавно и свободно, как эта река. Вспоминаются слова президента Насера. Он говорил о том, что рад приветствовать в Каире журналистов пяти континентов, что их встреча способствует укреплению связей между народами. Говорил президент и о земле, о том, что ее еще очень мало в стране, — он имел в виду орошаемую землю, ту, что кормит человека. Такие площади составляют только 4 процента всей территории страны.

Проходили годы, население росло, а количество земли оставалось неизменным. Эти 4 процента сорок лет назад кормили 16 миллионов человек, а ныне должны дать пищу почти вдвое большему числу людей...

Один из тоннелей Асуанского гидроузла.

И люди решили осуществить свою мечту, вынашиваемую тысячелетиями, задумали укротить старого владыку — Нил.

Эта мечта представляется дерзновенной даже в наши дни. Выполнима ли она? В сердце знойной Нубийской пустыни нужно перегородить могучую реку гигантской плотиной — длиной в 5 километров и высотой в 110 метров, а для этого вынуть миллионы кубометров грунта, прорубить в гранитных скалах огромные тоннели, которые, по мнению иностранных специалистов, явятся «крепким орешком» — раскусить его будет нелегко. Не случайно много месяцев в Асуане жил представитель шведской фирмы. «А вдруг, — тешил он себя надеждой, — русские спасуют перед африканской твердыней... Тогда его фирма поживится».

Надежда половить рыбку в мутной воде не оправдалась, русские раскусили сей «крепкий орешек». Тоннели готовы к приему воды. Представитель шведской фирмы уложил чемоданы.

С чем можно сравнить такую стройку? Разумеется, только с пирамидами. Но даже величайшая из них — пирамида Хеопса — по объему работ в семнадцать раз уступает Садд аль-Аали. И построить плотину надо не за двадцать лет, а в значительно более короткий срок.

Одним египтянам не под силу была столь

грандиозная задача. Американцы сказали: нет, не станем помогать.

Советские люди сказали: да!

Дела в Асуане идут успешно. Каждые сутки плотина вырастает на три метра в длину, приближаясь к левому берегу. День и ночь двадцатипятитонные минские самосвалы ссыпают в ложе реки тысячи кубометров гранитного камня. Ныне, как писала каирская газета «Аль-Ахбар», «Асуан стал местом настоящего паломничества. В некоторые дни его посещают до полутора тысяч гостей из разных стран. Можно без преувеличения сказать, что на Садд аль-Аали приезжает людей больше, чем в Мекку».

В середине мая 1964 года Нил будет перекрыт! Не случайно арабы говорят: «1964 год — год Асуана!»

Первая очередь Асуанской стройки вступает в действие.

Теперь американские деловые люди досадают, что упустили такой бизнес. Причем их даже не столько беспокоит упущенная возможность заработать деньги, сколько потерянный в глазах африканских народов престиж. Они отлично понимают, что перекрытие Нила в точно намеченные сроки — это не только крупная техническая, но и политическая победа. Бывший вице-президент США Р. Никсон немало в

свое время позлословил по поводу стройки на Ниле. Когда же он посетил ее, то вынужден был выступить с красноречивым признанием. «Теперь я убедился, — заявил Р. Никсон, — что строительство высотной Асуанской плотины после его завершения будет одним из чудес света. Это строительство действительно произвело на меня удивительное впечатление».

После пуска первой очереди Садд аль-Аали никто не станет сомневаться в том, что и вторая очередь будет введена строго по плану — в 1970 году.

Объединенная Арабская Республика станет получать более 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. Это позволит пустить десятки новых фабрик и заводов. Будут орошены миллионы федданов* новых земель. Национальный доход республики увеличится вдвое.

Вековая мечта египетского народа сбывается.

Пройдут годы, но Асуанская плотина, как сказал Никита Сергеевич Хрущев, будет вечно возвышаться как символ прочной дружбы между народами наших стран, как величест-

---

* Ф е д д а н = 0,42 гектара.

венный памятник их сотрудничества во имя великого дела мира.

...Со времен фараонов люди поклонялись тебе, Нил, старались умиловить, задобрить: устраивали в твою честь празднества, приносили тебе в жертву самых красивых девушек. И по сей день, как и в древние времена, не угасло религиозное преклонение перед капризным «владыкой». Так же к дням половодья люди приурочивают свадьбы, совершают традиционные обряды, спускают на воду лодки, украшенные цветами и флагами. Только вместо девушки теперь бросают в реку нарядную куклу.

Катит свои воды Владыка и не чувствует, что кончается его власть над людьми, что скоро придется ему подчиниться их воле. А может быть, чувствует и даже радуется тому, что не бессмысленными жертвоприношениями и преклонением добиваются люди своего счастья, а трудом и силой разума. Да и почему бы ему не радоваться? Его воды оплодотворяют отторгнутую у пустыни иссохшую землю, станут вращать турбины гигантской электростанции. И тогда к тем огням, что отражаются сейчас на его поверхности, присоединятся миллионы других — огней большого человеческого счастья, великой радости.

Катит свои воды Нил...

Прощай, могучая река! Мы были рады познакомиться с тобой, поговорить по душам. А теперь нам пора в путь. Нас ждут наши друзья.

Человек всегда будет благодарен тебе, могущественный бог далеких предков и надежный друг человека наших дней, который теперь с тобой на равных.

А традиции? Они, надо думать, сохранятся. По-прежнему в пору разлива берега твои будут оглашаться музыкой и песнями, по-прежнему тебе будут приносить в жертву красивую куклу.

Ищем земляков

В машине душно, как в парилке. Не спасают и опущенные стекла. Воздух, врывающийся в кабину, горячий и какой-то тягучий. Платок не успеваешь выжимать, пот ручьями струится за шиворот. Рубашка прилипает к спине и жжет, будто горчичник.

Мы едем от Нила на восток. Река осталась за спиной уже километрах в двухстах. Мы, однако, и теперь еще чувствуем ее силу — каналы с мутно-желтой водой продолжают сопровождать нас. Один из каналов, прорытый, говорят, чуть ли не во времена ве-

ликого Рамзеса, тянется до самой Исмаилии, куда лежит и наш путь.

— Исмаилия вам понравится, вот увидите, — уверяет Антуан. — В Исмаилии красиво. Там раньше жила иностранная знать, которая управляла Суэцким каналом — англичане, французы. Богато жили, вот увидите. На роскошь денег не жалели, строили не для кого-нибудь, а для себя. Вышло же наоборот, — Антуан улыбнулся и сдунул капельку пота со щеки. — Правильно вышло.

— Подъезжаем, — предупредил он. — Вон, видите, впереди финиковая роща. Это начинается Исмаилия.

Исмаилия резко отличается от прочих небольших арабских городов, в которых мы побывали. Тут почти не встретишь убогих глинобитных домиков, которыми так похожи одна на другую окраины египетских селений, где ютится беднота. Исмаилия — город чистый, с просторными асфальтированными магистралями, над которыми простерли зеленые стрельчатые лапы высокие, холеные пальмы. Большинство улиц, особенно в той части города, которая прилегает к озеру Тимсах и порту, застроены красивыми двухэтажными коттеджами и виллами, обнесенными каменными оградами. Об этих виллах и говорил Антуан. Тут маленькие, тихие зеленые переулки,

уютные и безлюдные; все располагает к безмятежному отдыху.

Сейчас здесь живут сотрудники канала: лоцманы, диспетчеры, чиновники администрации. А рядом — трех-четырёхэтажные дома из бетонных блоков, здания, уже готовые или строящиеся. Растёт ещё один жилой квартал. Коммунальные дома заселяются рабочими канала. Они, конечно, довольны квартирами, которые никак не сравнишь с прежними барачными клетушками.

Исмаильское управление лоцманской службы — одноэтажное, но высокое каменное здание, обнесённое забором из колючей проволоки. У входа — под грибком — дежурит солдат. Суэцкий канал входит в число важнейших стратегических объектов страны, и его берега бдительно охраняются армией.

— Мы — русские моряки; ищем земляков, — объясняем солдату. Он, козырнув, пропускает нас.

Диспетчерская помещается в большой, светлой комнате с окнами на озеро. За деревянным барьерчиком сидят дежурные в легких форменных белых костюмах и фуражках с эмблемой канала. Зуммерят телефоны. К дежурным подходят лоцманы, или, как их тут величают, «пайлотз». Они только что прибы-

ли от Суэца с головными судами конвоя*, идущего на север. Суэцкие лоцманы, передав эстафету своим исмаильским коллегам, зашли отметить путевки: работа выполнена. Теперь лоцманы на автомобилях вернутся домой, чтобы на другой день снова провести сюда, в Исмаилию, корабли из Красного моря.

Дождавшись, когда освободился один из дежурных диспетчеров, мы изложили ему свою просьбу. Он кивнул:

— Ну, конечно, знаю русских лоцманов. Лавров? Да, он идет с этим конвоем, но будет в Исмаилии лишь к вечеру, его судно где-то в хвосте.

— А кто сейчас может быть дома из русских, которые живут в Исмаилии?

— Одну минуту, — диспетчер просматривает график. — Та-ак... Мистеры Поданев, Герасимов и Примак на проводке. Мистер Нагибин должен быть дома. Ему можно позвонить по телефону 26-24. Соединить вас с ним? Сейчас. — Дежурный набирает номер и, убедившись, что хозяин дома, протягивает нам трубку, переставив аппарат на барьер.

— Хэлло! Пайлот Нагибин! — слышится в трубке голос.

---

* На морском языке не существует слова «караван», а есть общепризнанный термин — «конвой».

— Здравствуйте, Леонид Николаевич!

— Кто это?

— Земляки. Хотели бы с вами повидаться!

— Вот сюрприз! Маша, гости из Союза (это, видно, относится к жене). Товарищи, дорогие... Вы на машине?

— На машине.

— Давайте ко мне, ждем! Передайте трубку дежурному.

Дежурный выслушивает пайлота Нагибина, расплывается в улыбке, кивает головой:

— О-о!.. Фрэндз? О-кей, мистер Нагибин! О-кей!

И вот уже молодой чиновник компании садится в нашу «Волгу», чтобы проводить нас к Нагибину. Он рад услужить друзьям русского лощмана.

Нагибины встречают у калитки.

— Не терпелось увидеть земляков! — поглаживая ладонью бритую голову, поясняет Леонид Николаевич. — Я даже разволновался. Вот и Мария Тимофеевна, и Виктор тоже. Заходите же, товарищи, высыпайте новости! Вы, значит, те самые?.. Лавров рассказывал. Ну молодцы!

Дом у Нагибина огромный, изощренной архитектуры неопределенного стиля. Комнаты просторные, с высоченными лепными потолками и карнизами. Из столовой — дверь на ве-

ранду, выходящую в небольшой тенистый сад.

— Апартаменты — олицетворение излишеств, — словно оправдываясь, замечает Нагибин. — Так уж постарались! Здесь какой-то англичанин жил, он и построил этот дом себе. Думать, понятно, не думал, что поместят тут когда-то советского лощмана. Это Суэцкая компания определила нас в такие хоромы. Ничего не скажешь, относятся к нам тут хорошо.

В доме Нагибина нас не столько заинтересовала архитектура и размеры комнат, сколько убранство стен. Они буквально кричали о том, что здесь живут наши земляки, россияне, которые очень любят свою родину и скучают о ней. Со стен на нас глядела васнецовская «Аленушка», и новогодняя заснеженная Спаская башня Московского Кремля, левитановская «Золотая осень» и Ленинград в туманной утренней дымке. На стенах висели картины и фотографии, вырезанные из «Огонька», и очень много было зимы: сверкающий на солнце снег и сосульки, сани и морозные узоры на стеклах. Тут, под вечно палящим солнцем, в оазисе Исмаилии, окруженном горячими песками пустыни, люди скучали о снеге и морозе, о зиме, прелести которой по-настоящему умеет ценить, видимо, только русский человек.

Нагибины — ленинградцы. Да и вся колония исмаильских лоцманов из города на Неве. Так уж получилось, что на канале наши лоцманы сгруппировались по принципу землячества: тут — ленинградцы, в Порт-Саиде — одесситы, а в Порт-Тауфике — архангельцы. И только один человек спутал эту «географию» — Рюрик Михайлович Лавров. Он хотя и одессит, а живет вместе с лоцманами из Архангельска.

Все одиннадцать прибыли на Суэцкий канал в сентябре 1956 года по приглашению египетского правительства. Это была помощь Советского Союза молодой республике, которая тогда остро нуждалась в кадрах специалистов-судоводителей в связи с национализацией канала.

Национализация Суэцкого канала была величайшей победой ОАР и досталась она не малой кровью. Вспомним историю Суэцкого канала — этой искусственной соленой реки, соединяющей кратчайшим путем бассейны двух океанов — Атлантического и Индийского. Длина канала — 173 километра, цена канала... десятки тысяч загубленных жизней.

Идея соединения Средиземного моря с Красным возникла сорок веков назад. Первые километры прокладывались еще рабами фараонов, но ветры из Аравийской пустыни

засыпали плоды их труда горячим желто-красным песком. Большой судоходный канал, который мы знаем теперь, начал сооружаться в 1859 году и был закончен через десять лет. Компанию по строительству канала основали французские капиталисты. Вырыли же канал в песках руки египтян.

А потом Египет был оккупирован английскими войсками, и французам пришлось потесниться, уступив оккупантам и часть доходов от канала.

Семьдесят лет хозяйничали англичане в стране.

В июле 1952 года арабы сбросили гнет империалистов, а в июле 1956 года правительство молодой республики объявило о национализации канала. Вот тогда и приехали в ОАР наши лоцманы.

Все одиннадцать советских моряков хорошо помнят тяжелый для Египта год, когда началась англо-франко-израильская агрессия. Бывшие алчные хозяева Суэцкого канала не могли смириться с утратой своего владычества на землях Египта и в конце октября 1956 года спровоцировали военный конфликт. Советские лоцманы слышали грохот бомбардировки Порт-Саида, видели кровь, пролитую невинными людьми, пепел сожженных домов. Только вмешательство правительства СССР и

других миролюбивых государств остановило интервентов, заставило ООН принять решение о выводе их войск с территории Египта.

Когда Нагибин вспоминает о той поре, лицо его становится серьезным.

— Да... Тогда и началась наша работа на проводке судов. Признаться, сейчас даже невозможно вспомнить всех трудностей, которые встретили мы на первых порах. Они были на каждом шагу. Английские и французские дельцы постарались забрать отсюда старые кадры. Лоцманская служба оказалась укомплектованной лишь наполовину. А корабли должны были идти. «Выручайте!» — просили арабы, и мы выручали, как могли.

Едва закончив проводку одного конвоя, снова поднимались в рубки судов и шли в обратном направлении. Это был тяжелый, изнурительный труд. Порой работали по двадцать часов в сутки. Правительство Египта было вынуждено снимать капитанов с судов и посылать их работать на канал. Тогда же началась спешная подготовка национальных кадров, но дело это не простое, и нехватка лоцманов ощущается до сих пор...

Трудности — трудностями, но как загорелись глаза Леонида Николаевича, когда он начал говорить о перспективах канала, об успехах арабских друзей! Вот так же рассказы-

вают наши парни о своих делах: о новых месторождениях металла и нефти, открытых в тайге, о новой плотине, перегородившей великую сибирскую реку, о новой машине, созданной в конструкторском бюро. Нагибин говорит взволнованно, искренне радуясь тому, что происходит в молодой республике. И кажется он теперь значительно моложе своих лет, а ведь ему за пятьдесят.

— Что бы там ни болтали англичане, а мы их переплюнули! (Нагибин говорит «мы» как бы от имени арабов). Кораблей проводим теперь куда больше прежнего.

— В период английской оккупации зоны Суэцкого канала доходы компании составляли в год 32—34 миллиона египетских фунтов и почти все они уплывали из Египта. А сейчас канал стал давать дохода более 50 миллионов фунтов в год. Вот как! И, что очень важно, — подчеркивает он, — большая часть вырученных денег идет на улучшение эксплуатационных возможностей канала, на его расширение и углубление. Мне недавно назвали цифру: на ремонтные работы уже израсходовано более 48 миллионов египетских фунтов. По каналу сейчас проходит, в сравнении с 1956 годом, примерно в полтора раза больше судов. Злопыхательские предсказания, что арабы не справятся своими силами с эксплуатацией та-

кого сложного инженерного сооружения, опрокинуты. Справляются, и еще как! Это говорю вам я, лоцман Суэцкого канала.

Мы засиделись у Нагибиных и прозевали Лаврова, он отметил путевку, уехал в Суэц и теперь нам не оставалось ничего другого, как спешить за ним следом. Леонид Николаевич сказал, что позвонит Рюрику Михайловичу в Порт-Тауфик по телефону и предупредит, что мы едем. А к нашему возвращению Нагибин обещал собрать своих коллег, чтобы мы смогли увидеться также и с ними.

...Снова за рулем Антуан, снова «Волга» идет на предельной скорости — иначе наш шофер ездить не может. Вдоль дороги открываются великолепные, редкие по красоте и своеобразию пейзажи.

У Рюрика Лаврова

Система озер — Тимсах — Большое горькое озеро — Малое горькое озеро — разрезает Суэцкий канал пополам. Исмаилия находится примерно на середине канала. Но от нее до Суэца по шоссе вдвое дальше, чем до Порт-Саида: приходится эти озера огигать. А они огромные, особенно Большое горькое. Дважды мы уже были в этих местах, но оба

раза — на судне, не выходя на берег. Помнится, как любовались с борта «Ленинского пионера» игрой оттенков озерной воды, одновременно и бирюзовых, и голубых, и синих, и ярко-фиолетовых. Такой цветовой феерии мы не встречали пока нигде за все время своих плаваний.

Вот и теперь мы снова восхищаемся этим удивительным зрелищем, к тому же наступил вечер, и вода как бы растворяла в себе, кроме всех прочих цветов, еще живой пурпур заката — словно перья сказочных рыб шевелились в горбинах неторопливых волн. Они струились от горизонта к берегу, трансформируясь из огненных в прозрачно-голубые и, добежав до берега, выплескивали на песчаник кружевную пену.

Откуда такие фантастические краски? Установлено, что на дне Большого горького озера лежит мощный слой соли. Она медленно растворяется. В октябре—декабре соленость воды в канале достигает 50 и более промилей. Отсюда, видимо, и Красное море такое соленое, оно побilo все рекорды и занимает первое место по солености среди морей мирового океана. Соленость воды в Красном море превышает сорок промилей.

Купание в этих местах с непривычки доставляет новое и довольно странное ощущение

ние. Вода — теплая, как парное молоко, и очень плотная — выталкивает тело на поверхность. Кожу сперва начинает пощипывать, а потом жечь. Мы постигли это на опыте. Когда проходили тут на турбоходе «Ленинский пионер» и швартовались в канале, чтобы пропустить встречный караван, решили выкупаться. Опустили парадный трап и стали нырять с него. Когда вышли на берег, солнце и горячий ветер сразу же осушили капли воды, и кожу начало саднить, как после ожога, на ее поверхности появился белый налет соли. Нам ничего другого не оставалось, как только быстрее вернуться на судно и принять пресный душ.

Но так «неуютно» в этой воде чувствуют себя только новички. Местные жители с удовольствием принимают эти горько-соленые ванны и утверждают, что они весьма полезны. Это, конечно, как говорится, на любителя. Но что касается красот здешних озер, то они неоспоримы. Растворенная соль, игра света в тяжелой горькой воде, видимо, и придает им столь изумительную расцветку.

Живописен и берег. До самого Суэца протянулся широкой зеленой полосой искусственный оазис Фанет. Он существует также за счет старинного канала, проложенного еще рабами фараонов. Живительные воды Нила и

несут сюда плодородные. Вокруг — богатые поля, роскошные финиковые рощи с пламенеющими на солнце гроздьями плодов.

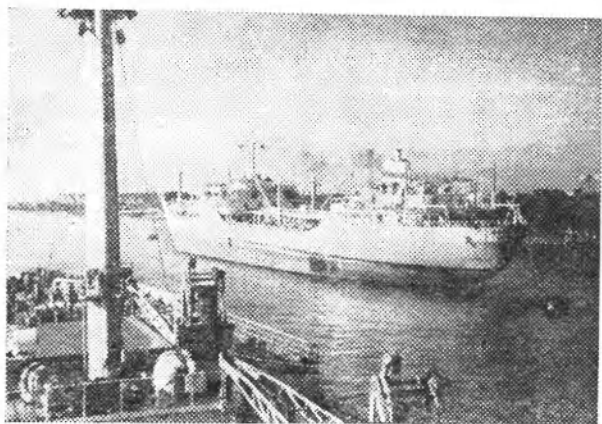
Километров за десять до города начинаешь различать впереди дымчато-сизые силуэты гор. Это гряда Габель-Атака. Северный Египет — страна низменная, плоская, как стол, а там, на юге — поднимаются горные цепи, которыми Африка отгородилась от душного Красного моря.

Порт Суэц имеет три гавани: Порт-Тауфик, Порт-Ибрахим и эль-Мина-эль-Гедида. Нам нужно в Порт-Тауфик. Сворачиваем с большого шоссе влево и выезжаем на набережную Суэцкого канала, людную и цветистую. Вдоль набережной расположено несколько крупных магазинов, казино, красивое здание администрации порта. Примерно в двухстах метрах от этого дома живет наш старый знакомый — Рюрик Михайлович Лавров. Еще три месяца назад, когда мы проходили на судне Порт-Тауфик, он сказал:

— Вот мой дом, запоминайте! При случае приезжайте в гости!

И мы запомнили, хотя, признаться, нам не верилось, что выпадет такой счастливый случай. Но теперь мы без труда нашли его дом.

— Ну вот, я же говорил... — просто сказал Рюрик Михайлович, будто наш приезд

Южный вход в Суэцкий канал.

был делом само собой разумеющимся. — Заходите! Лариса, вот и они — встречай гостей!

Из окон дома лились звуки фортепьяно. Играли «Неаполитанскую песню» из детского альбома Чайковского. На крыльцо вышла круглолицая женщина в белом переднике и, улыбнувшись, повторила приглашение хозяина:

— Заходите, заходите! А мы уже заждались. Нагибины звонили, что вы выехали. Ужин на столе!

В гостиной за пианино сидели белокурая

курносая девчушка с веселыми голубыми глазами и полная женщина с черными, как вороново крыло, волосами, гладко зачесанными назад и собранными на затылке в тугой узел.

— К Маргаритке пришла учительница музыки, — сказал Лавров, — синьора Натали. Она итальянка, хороший педагог. Уже давно живет в Суэце и обучает детей музыке. Знакомьтесь!

Синьора Натали чинно поклонилась и порусски сказала: «Здравствуйте!». За столом Рюрик Михайлович рассказал нам несколько интересных подробностей об этой пианистке.

Лет двенадцать назад ее выписал сюда из Италии какой-то богатый англичанин. Сначала она учила только его детей, потом стала давать уроки музыки арабским ребятишкам. В бедных семьях она преподавала бесплатно. Англичанину это не понравилось, отношения натянулись.

Когда в зоне Суэцкого канала начался военный конфликт, пианистка оказалась без работы: англичанин «скоропостижно» убрался из Суэца вместе со своим семейством. Синьора Натали лишилась и крова, а денег на обратную дорогу в Италию не хватало. Да и найдешь ли на родине работу? Местные друзья, детям которых она давала уроки, предложили ей и жилье, и работу. Потом при-

ехали в Суэц русские лоцманы, они любили и понимали музыку. Маленькая Маргарита Лаврова стала одной из учениц синьоры Натали.

Пока мы ужинали, подошли коллеги Рюрика Михайловича — Михаил Григорьевич Чернышев и Геннадий Михайлович Котлов. Дневная жара спала, и на смену ей пришел чудесный синий вечер. Решили всей компанией прогуляться по вечернему Порт-Тауфику. И опять разговоры о канале, и опять воспоминания...

Друзья Лаврова тоскуют по дальним плаваниям, ведь они до этого были капитанами. Чернышев командовал полярными судами «Суриков», а затем «Петровский». Котлову приходилось не только плавать капитаном, но и работать лоцманом в Белом море. Там он тоже водил корабли по каналам, только берега тех каналов были студеными и прокладывали их в замерзшем море ледоколы.

Кстати, фамилия Котловых на Севере весьма известна. Еще в XIX веке почти вся лоцманская служба Архангельска состояла из Котловых. Все они были в родстве, все выходцы из деревни Пустошь, что напротив Соломбалы — колыбели северных мореходов, мастерством и мужеством которых восхищался еще Петр Первый. И вот, по воле судьбы, в число первых русских лоцманов на Суэцком

Р. М. Лавров с дочерью Маргаритой.

канале попал и потомок знаменитых архангельских Котловых.

Вечером с набережной Порт-Тауфика можно наблюдать, как идет вечерний караван с севера. Как раз сейчас мимо нас движется черная машина — танкер «Юнивер Лидер».

Он может принять на борт 85 тысяч тонн жидкого топлива. Несколько лет назад этот танкер считался самым крупным в мире, его фотографии обошли прессу многих стран. Строилось судно в Японии по заказу США. Танкер и ныне принадлежит американцам, порт приписки — Монровия, но ходит он под либерийским флагом. Обычный трюк американских судовладельцев, увиливающих от уплаты налогов.

— К ночи этот караван выйдет в Красное море, а утром на север двинемся мы, — говорит Лавров. — Порядок тут сложился такой: каждые сутки на юг идут два каравана, а на север — один. Режим этот избран с определенной целью, чтобы между караванами были достаточные паузы — непрерывное движение судов помешало бы работам по расширению канала.

— А как распределяют лоцманов по судам? — поинтересовались мы.

— Это кому как повезет, — ответил Чернышев. — Существует общий список лоцманов, соблюдается строгая очередность. На работу нас вызывают по телефону — компания установила аппараты на квартире каждого «пайлота». Очередного лоцмана предупреждают за 50 минут. За это время нужно прибыть в «оффис», в диспетчерскую. Там указывается

порядковый номер судна. Затем подходит катер и развозит нас по местам. Ну, а остальное вы знаете сами...

Мы шагаем вдоль набережной. На коротеньких пирсах сидят арабы с удочками.

— С успехом, Сафар? — спрашивает Рюрик Михайлович одного из них.

Тот поднимает связку рыбок, нанизанных на шнур.

— Приходите на жаркое! — приглашает рыболов. — Придете?

— Спасибо, Сафар! В другой раз, — кивнул Лавров и обернулся к нам: — Стерляжьей бы сейчас ухи, нашей, рыбацкой!

— Губа не дура, — отзывается Котлов. — А семужки малосольной не хочешь? Да, что ни говорите, а лучше нашей российской рыбы на свете не сыщешь!

Вот и конец набережной. У самого выхода из канала в Красное море англичане поставили некогда на мысу двух свирепых львов, высеченных из камня. Изваяния должны были служить как бы олицетворением власти Британской империи, утвержденной на этих берегах. Но вот прошли годы, и за спиной каменных зверей поднялся белый обелиск в честь освобождения египетской земли от колонизаторов, в честь свободы народов Объединенной Арабской Республики. И получилось теперь

так, что львы стали как бы сторожами, которым поручено охранять этот обелиск Свободы.

Мы стояли у каменного парапета и смотрели на залив. Вдали начали зажигаться огни. Их становилось все больше и больше. Это прибывали из тропиков усталые корабли.

— В пять утра нам вести их на север, — сказал Рюрик Михайлович. — Такова уж наша служба — встречать да провожать! Лопманы мы...

Окрошка

И снова Исмаилия, дом Нагибиных. Только он полон гостей. Тут Федор Иванович Поданев — круглолицый, крепкого сложения человек, его жена Альбина Антоновна, дочь Ирочка, ровесница Вити Нагибина. Пришел Георгий Тихонович Примак. Его жена сейчас в Ленинграде, и он скучает, подсчитывает дни, остающиеся до ее возвращения.

Сегодня у Нагибиных окрошка — традиционное лакомство, которое готовится у них в особо торжественных случаях. Виновниками окрошки на этот раз явились мы. Казалось бы, окрошку здесь можно готовить круглый год — всегда есть зелень, свежие овощи. Но все дело в квасе. Тут не пекут того душистого рус-

В доме Нагибиных. Слева направо: Г. Т. Примак, Л. Н. Нагибин и его жена — Мария Тимофеевна

ского ржаного хлеба, из сухарей которого квас получается ядреным и особенно ароматным. Хозяйкам приходится долго хлопотать, составлять нужные смеси муки, закваски и самим выпекать хлеб, сушить сухари и уж тогда заводить квас.

Пока хозяйка священнодействует на кухне, мужчины ведут свой обычный разговор. И уж поскольку собрались коллеги, беседа, конечно, идет о производстве, а производство —

Суэцкий канал, суда, номера километров и тому подобное.

Приятные новости: на недавнем совещании выступил начальник транзита из Порт-Саида — Али Дауд, он очень хвалил работу советских «пайлотз», ставил их в пример арабским лоцманам, а также иностранцам, которые работают здесь. И похвалы эти не первые. Много раз о мастерстве советских лоцманов упоминал в своих выступлениях и Мухамед Юнис — генеральный директор администрации Суэцкого канала.

Не только работу, но и поведение советских специалистов ставят здесь в пример. Они всегда корректны, отзывчивы, добры, трудолюбивы. Они приехали сюда помогать, и в них все видят искренних друзей, посланцев великой Советской страны.

А ведь есть и другой сорт людей. Двух американцев, тоже лоцманов, администрация канала попросила уехать обратно в США — их мало интересовала работа, они нанялись сюда, чтобы делать свой личный бизнес, и занялись спекуляцией.

Маленькая колония обогатилась друзьями из местных жителей. Витюшка Нагибин бойко говорит по-арабски, потому что товарищи его по играм — арабы Самед и Али — соседские мальчишки. С ними он играет в мяч, ходит ку-

паться, рисует и даже поет. Он уже знает арабские песни, а они научились от него русским. И сегодня Витя сообщил им «по секрету» о том, что мама готовит окрошку. Ребятишек тоже, конечно, угостят. Мальчики уже пробовали это странное русское блюдо (дома такого не делают), и оно пришлось им по вкусу.

У Федора Ивановича часто бывают в гостях сослуживцы Абу Стейт и Эльба Хор — тоже лоцманы; они приходят за советом, за знаниями к советским специалистам, у которых за плечами сотни тысяч тревожных морских миль. И в караване они рядом.

— Вы не знаете, как быстро налетают здесь песчаные бури? — спросил Федор Иванович. — Они стоят иного шторма. Вас застал хамсин в прошлый раз? Ну, тогда вы имеете некоторое представление об этом. Хамсин поразному дует. Помню, проводил я западногерманское судно «Лейпциг». Разразилась сильная буря. Мгновенно все небо покрыло непроглядной тучей. Впечатление такое, будто настала ночь. Судов не видно ни спереди, ни сзади. Тут успевай только поворачиваться. Установка для всех одна — швартуя в канале, иначе быть беде, столкновение неминуемо. И ошвартовались мы тогда удачно. Долго пришлось отстаиваться, выжидая, когда утихнет хамсин. Ситуация, доложу я вам... Глаза

Витя Нагибин (справа) и его арабские друзья.

слепит, песок лезет в легкие, скрипит на зубах, зной, как в печи.

— А что означает самое слово «хамсин»?

— По-арабски это — пятьдесят. Столько дней в году дует этот проклятуший горячий ветер из Египетских пустынь. Налетают хамсины в период с марта по май и дуют по несколько дней, подавляя все живое.

— Да-а... Жара — она гнетет невыносимо, — вставил Примак. — Ведешь танкер, а он раскален, как на огне, дышишь сплошным бензином. Кажется, попади гвоздь в подошву, шаркнешь ненароком по палубе, и загорится все от малейшей искры. Зной тут удушающий, въедливый. Духотой Красное море, да и южная часть канала, славятся на весь мир. Удивительно ли, что мы скучаем по зимушке! — улыбнулся Примак. — Видите, как Нагибины разукрасили снегом все стены...

— Снег на стенах не растает, а окрошка на столе может закипеть от жары, — напомнила Мария Тимофеевна.

За окрошкой, конечно, полились воспоминания о далеком доме, о родных, близких, оставшихся на родине, о нежинских огурчиках, сосвинской селедке и белых грибах, и опять же о ней — об окрошке — где, когда, кто какую едал. И под такие разговоры все очень быстро исчезает со стола.

...Взрослые — неутомимые балагуры, и так много они знают! До чего же интересно слушать их, притаившись где-нибудь за папиной спиной. Ира и Витька, такие же любопытные, как все дети, притихли и смотрят, широко открыв глаза, на рассказчика. Так интересно! И вдруг...

— Дети, заниматься! — строго объявляет

Мария Тимофеевна. — Идите в класс. (Ах эти мамы!).

Ничего не поделаешь — учебный год. Учатся все дети в нашей стране, учатся и Витя с Ирой. Каждый день они садятся за парты, слушают учителя, отвечают у доски, делают домашние уроки. Словом, как все наши ребята. Только нет у них школы, того большого и светлого дома, куда весело сбегается детвора с портфелями и ранцами, где в перемену можно поиграть в салочки с одноклассниками, где работают кружки — «Умелые руки» и «Юный техник» и где много разных «добрых» и «сердитых» учителей, и обязательно есть грозный директор, к которому можно угодить, если проштрафишься...

У Иры и Вити школа дома, класс — дома и учитель — тоже дома. Учат ребят сами мамы. Ну, когда мама — учитель, какая тут может быть жизнь! Трудная жизнь... Мамы — они придирчивей и строже обычных учителей, потому что они сами задают уроки и сами знают, как ты делаешь домашнее задание, и мамы же ставят отметки в дневник. Есть еще и папы, они тут вроде директоров...

Мария Тимофеевна и Альбина Антоновна не кончали педагогических вузов, но вот им пришлось наверстывать это упущение. В зоне Суэцкого канала нет русских школ, есть школа

только в Каире, при советском посольстве. Но Каир далеко. Вот мамы в силу необходимости и стали учителями. Накануне учебного года они проходят подготовку, выезжают в столицу ОАР на семинары, а потом и учат своих ребят. Только четыре раза в год Ирина и Виктор попадают в шумные школьные классы: перед концом каждой четверти их отвозят в Каир и они демонстрируют свои знания перед настоящими учителями.

Брат Волгограда

Уже вечерело, когда мы, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, отправились дальше на север. От Исмаилии до Порт-Саида немногим больше семидесяти километров. Шоссейная дорога на всем своем протяжении идет вдоль канала. Он справа от нас, а слева — то пески, то поля, отвоеванные у пустыни трудом феллахов. А по ту сторону канала — бесконечная, унылая пустыня. Кое-где можно увидеть там небольшие деревянные бараки, возле которых, словно изваяния, застыли верблюды. Это пограничные посты.

Сумерки тут короткие, а нам так не хотелось, чтобы столь быстро темнело. Машина догнала идущий по каналу на север конвой.

Обгоняем нефтеналивные суда: грека, француза, американца, еще два однотипных крупных танкера с фирменной надписью «ESSO» на трубах. Потом пошли сухогрузы и среди них — свои! Читаем на корме: «Авача», порт приписки — Одесса. Как приятно видеть свои суда вдалеке от родины! У борта стоят моряки. Выскакиваем из автомашины, кричим, машем руками. Нас заметили, спрашивают: кто такие? Отвечаем, что земляки, из Одессы, мол, также.

— Давайте, спустим вам стрелу, и вы вместе с машиной — к нам на борт, домой, — шутят матросы.

— Спасибо, доберемся! До встречи на родной земле!

— До встречи!

Мы обгоняем «Авачу», и через несколько километров видим на канале еще одно наше судно, с трудом разбираем в сгустившейся тьме название: «Новый Донбасс». Суда зажгли огни, засветились вежи на канале, обозначая фарватер. И теперь казалось, будто справа — городская улица, корабли — многоэтажные дома, только с круглыми оконцами — иллюминаторами, а вежи — уличные фонари. Но стоило глянуть влево, как впечатление это разрушалось: взгляд погружался в выхваченные светом судовых огней печальные пески. Даль-

ше за ними зиял черный провал, который сливался с усыпанным яркими звездами южным небом.

Когда мы въехали в Порт-Саид, подул свежий ветерок — ночное дыхание Средиземного моря. Большая развилка дорог, с полицейским, стоящим на светящемся «пьедестале», видны только его белые рукавицы и фуражка.

Вечерние улицы города своеобразно живописны. В центре первые этажи — сплошь магазины и лавки с витринами, ярко освещенными неоновыми лампами. На углах, рядом с лимузинами новейших марок — извозчики. Коляски сверкают тщательно начищенной медной отделкой, грациозны тонконогие лошади в разноцветной сбруе с колокольчиками, которые в движении мелодично позванивают. На одном из перекрестков полицейский останавливает движение. Мимо проезжает большой кортеж лимузинов. На первой машине — человек в черном фраке, сидящий рядом с девушкой с белоснежным наряде. Остальные машины заполнены празднично одетыми людьми. Это опять свадьба, только на современный лад.

В советском консульстве застаем дежурного. Представляемся. Молодой дипломат приглашает в приемную, угощает соками. Он несколько удивлен столь поздним визитом.

обычно тут о всех гостях знают заранее, а мы без предупреждения.

— Так, значит, вам лоцманов? Сейчас поищем. Кого-нибудь да найдем. — И начинает рассуждать вслух: — Попов в отпуске, но Пеньков и Доценко...

Дежурному не сразу удастся выяснить, где кто. Качает головой. На лоцманских квартирах не отвечают. Звонит в диспетчерскую Порт-Саида. Доценко только что ушел на ночную проводку, а Пеньков вернется лишь в полночь. Увы, сегодня нам не везет.

— Значит, с Пеньковым сумеем встретиться утром?

— Вряд ли. Утром он снова отправится с конвоем. Не хватает лоцманов. Советую, если уж хотите увидеться с Федором Федоровичем, заехать к нему ночью. А я договорюсь, чтобы его предупредили.

В первом часу Федор Федорович пригласил нас к себе. Живет он неподалеку от консульства, нужно лишь пройти две маленькие улочки и пересечь магистраль. Идет она прямо к набережной, у которой спят, прижавшись друг к другу, корабли.

Справа, метрах в ста от моря, казино. Игрет музыка, вдоль тротуара выстроились машины, мы узнали в них те самые, на которых ехал свадебный кортеж. Уподобившись зева-

кам, мы заглянули в зал, похожий на застекленную дачную веранду. Увидели три ряда длинных столов, за ними сидят гости — по меньшей мере человек полтораста. В конце среднего стола — жених с невестой. Гости пришли целыми семьями: тут и седобородые старики, и дети. Видно, так уж принято, если родители в столь поздний час захватили с собой малышей.

Люди разговаривают, смеются; официанты разносят на подносах яства, на столах много фруктов. И бутылки... с соками. В ОАР предпочитают фруктовые соки алкогольным напиткам.

Хотя интересно было бы проследить церемонию свадьбы, но нам следовало торопиться к Федору Федоровичу. Без труда находим его дом, на балконе второго этажа видим человеческую фигуру, это — Пеньков.

— Заходите в средний подъезд! На лифте — до второго этажа, — говорит он почти шепотом, но мы хорошо слышим его слова: пустынные ночные улицы на всем свете обладают удивительной акустикой, порой перестук дамских каблучков звучит, как автоматная дробь.

Федор Федорович — высокий, сухощавый человек, с короткими усиками. Чем-то отдаленно напоминает он киноартиста Гарина. Глаза лу-

кавые, говорит неторопливо, с налетом одесского жаргона.

— Заходите, полуночники. Чем вас угостить? Пивом? Да? Хотите? Вот тут, в холодильнике, есть у меня пивко. Консервированное. — Федор Федорович открывает металлические баночки и разливает холодное пиво в бокалы. Стекло покрывается матовой испариной. — Жаль, хозяйки моей нет, а то кваску бы выпили. Она приболела и сейчас находится дома, в Одессе. А из меня хозяин плохой. У Нагибиных были? Так. И окрошку пробовали? Повезло...

Пенькову пятьдесят девять лет. Через год можно бы и на пенсию, но он думает еще поплавать. Старый моряк мечтает о дальних походах. На канале, что там ни говори, работа все-таки однообразная. Не то, к чему он привык за свою большую жизнь. С 1923 года Федор Федорович — штурман, с 1928 года — капитан. А лоцманское дело ему хорошо знакомо еще по военным годам.

— Приходилось, да, конечно. А канал — дело простое. Ну, например, шли десантом к Одессе. На пути — триста магнитных мин. Известен лишь один проход, и то весьма приблизительно. И ничего, знаете ли, все обошлось. Главное — не ошибаться. Да, вот ошибешься, и — прощай, Одесса-мама.

— А как тут начинали работу?

— Обыкновенно. Срок стажировки — два месяца, будь любезен — учись, ходи дублером. Проходили мы восемь дней, сказали — хватит, ученого учить — только портить. И началась работка. Вернулся в двадцать три ноль-ноль. В пять снова на вахту. Уставать? Не без этого. Но поймите, доверие какое! Отношение к советским морякам великолепное. Нельзя ударить в грязь лицом.

Федор Федорович, прихрамывая, ходит по комнате, чуть сутулясь, разглаживая большой рукой морщинки на белой, вышитой русским узором, рубашке. Перехватил наш взгляд.

— Привык, знаете ли. Надену ее — и вроде дома. Когда на судах плавал, тоже так; вернусь с вахты и — рубашку с цветочками. И полотенца люблю с петухами. Скажете, старомодно? Пусть! Привык. Да и годы мои уже, знаете ли, такие, что поздно привычки менять.

Почему хромаю, интересуетесь? Не рассчитал. Свежо было в море. Прыгнул с катера на трап, ушибся. Опять же годы, а сдаваться не собираюсь, хочется быть молодым! Для Сашки. Сын у меня — тоже моряк. Электромеханик. Сейчас в Италии принимает новое судно — «Леонардо да Винчи». Слышали?

Пеньков рад гостям. Он, видать, любит по-

говорить этак запросто, и толкует больше всего, конечно, о моряках, о своем деле.

— Швартовка? Это дьявольски каверзное дело. Тут опыт — главное. Дашь порой команду: «Стоп! Полный назад!» Потом опять: «Вперед!» Непосвященные люди думают, что, мол, это особый расчет. А тут — интуиция. Да, да. Разве на ходу точно сосчитаешь метры до причала? Все чувствуешь «пупком». Спроси, почему дал именно такую команду? Не объяснишь. Канал? В канале, конечно, есть свои трудности. Мы-то обходимся без аварий, ни разу не подкачали.

— А бывают все же аварии?

— Не без того. Тут как-то грек, лоцман, вел большое судно, длиной метров двести. Неподалеку от Исмаилии подцепил мост через канал, да так ловко, что уложил его на палубу. И еще навалился кормой на берег — сломал винт. Бывает.

На циферблате — четвертый час. Пора.

— Да посидите еще, — уговаривает Федор Федорович.

— Но вы же не выспитесь!

— Ничего, часок вздремну, и хватит. В конце концов, пятьдесят девять лет еще не так много. Ну, как хотите. Запишите одесский адрес! Заходите непременно!

Мы вышли на улицу. Федор Федорович снова стоял на балконе.

— Так в Одессе — непременно!..

Вереница человеческих судеб: разные характеры, по-разному складывалась жизнь. А есть во всех этих людях общее, что связывает и роднит их. Чувство ответственности перед своим народом, который прислал их сюда, на крупнейший в мире судоходный канал, чтобы помочь друзьям. Они тоскуют по родной земле, порой приходится очень трудно, но никогда не ропщут, не жалуются. Сейчас их место здесь, и если уж получилось так, то нужно быть лучшими. Ведь они — граждане Советского Союза, страны, с которой здесь, в ОАР, да и в других государствах Африки, связывается понятие о правде и справедливости, о мире и о величайшей на континенте стройке — Асуанской плотине.

Мы так и не уснули в ту ночь, а бродили по спящему Порт-Сауду и говорили, говорили...

Брезжил рассвет, когда мы встретились с Алексеем Никитовичем Доценко, вернувшимся с проводки. Город, освещенный утренним солнцем, явился в каком-то ином облике, и мы не сразу узнавали те улицы, по которым проходили ночью. Алексей Никитович за семь лет

хорошо изучил Порт-Саид и теперь рассказывал все, что знал о нем.

— Арабы называют Порт-Саид братом нашего Волгограда, — сказал Доценко.

Действительно, Порт-Саид — это город национальной гордости египтян, символ стойкости и мужества. Много горестей пережил он на своем веку, не раз его жителям пришлось брать в руки оружие, сражаться за свободу.

Вспомним историю. Июль 1882 года. Английская эскадра — девять бронированных кораблей и пять канонерских лодок — под командованием адмирала Сеймура идет к берегам Египта. Подождена и оккупирована Александрия. Английский десант высаживается у Порт-Саида. Город сражается. Но силы не равны. Колонизаторы захватывают Порт-Саид, Аль-Кантару, Исмаилию, Суэц...

С той поры англичане давали шестьдесят обещаний о выводе своих войск. Но обещания не выполнялись в течение семидесяти лет.

1951 год. Египетский парламент решает денонсировать кабальный договор 1936 года, по которому, в сущности, страна находилась в полуколониальной зависимости от Англии. Ровно через двадцать четыре часа после этого решения (16 октября 1951 года) Министерство иностранных дел Великобритании заявляет, что Англия усилит свой гарнизон в зоне Суэц-

кого канала. С Кипра срочно перебрасываются войска. Англичане снова подвергают оккупации Порт-Саид. Сюда 18 октября прибывает английский корабль «Эмпайр фьюэри», доставивший несколько тысяч солдат. Снова захвачены Исмаилия, Эль-Кантара, форт Агруба. Минирована морская гавань Абадия. Англичане закрыли путь между Каиром и Суэцом.

В Египте волнения; народ, не желающий больше терпеть захватчиков на своей земле, выступает против них. Докеры Порт-Саида объявляют забастовку и отказываются разгружать английские суда. Шестьдесят тысяч трудящихся решительно уклоняются от работы на оккупантов и покидают район Суэцкого канала. Захватчики обрушивают на народ жестокие репрессии. Только с 16 октября по 5 декабря в этом районе убито 117 и ранено 438 мирных жителей.

И вот восстание 23 июля 1952 года. Египет провозглашается республикой...

Порт-Саид хорошо помнит все это. Он помнит и кровавые дни 1956 года, когда в ответ на национализацию Суэцкого канала началась известная англо-франко-израильская агрессия. Город опять горит, рушатся дома. Агрессоры обстреливают Порт-Саид с моря, бомбят с воздуха. Но патриоты побеждают.

Доценко был свидетелем последних собы-

тий. Сидя за рулем автомашины, он показывает нам город. И без лишних слов становится понятно, откуда появились эти пустыри, почему степы некоторых домов источены выбоинами, словно оспой. У этих знаков горя то же происхождение, что и у рваного пулевого отверстия в бронзовой доске на здании советского консульства. Война... В тяжелые минуты жители Порт-Саида смотрели на этот дом с надеждой, шли сюда за помощью, здесь их встречали искренние друзья. И советские люди остались такими друзьями до конца.

Ныне эта дружба воплощается в удивительных делах. Величайшее из них — Асуанский гидротехнический комплекс.

Западная окраина города — удивительное сплетение нового и старого: лачуги, отживающие свой век, и новые кварталы четырехэтажных домов. В этих домах живут рабочие Порт-Саида. А улица носит имя нашего города-героя на Волге. Арабский Порт-Саид — брат русскому Волгограду.

Вместе с Алексеем Никитовичем мы посетили кладбище, где похоронены русские моряки. Установленный на их могиле памятник побелен, вокруг чисто выметено, у подножия цветы. Арабы следят за тем, чтобы цветы тут никогда не увядали.

...Мы были на Суэцком канале, мы видели

дружбу и знали, как работают наши лоцманы во имя этой дружбы. Как-то еще глубже, чем когда-либо раньше, почувствовали мы великое значение слов — советский человек.

Мы были на Суэцком канале, и повсюду — от Порт-Саида до Суэца — слушали по радио в домах наших лоцманов бой кремлевских курантов. В их домах мысленно мы окунались в бодрящий пух зимних сугробов и бродили по березовым рощам и дубравам. Мы утирались полотенцами с петухами и говорили о достижениях своего народа. Мы вдыхали аромат русского кваса и мечтали о волжской ухе. Совсем рядом, под палящим солнцем пылали пески пустынь или шептались пальмы, отягченные оранжево-красными плодами.

А по каналу шли корабли.

Попутный ветер

Легкая зыбь покачивает судно. Освободившись от грузов, оно стало легче, и борта его поднялись над водой. Когда корабль следует с пустыми трюмами, моряки говорят о нем: «Идет в балласте». Мы идем в балласте домой за новыми грузами, а вслед нам Африка посылает освеженный морем теплый, ласковый ветер. Он мягко поет в леерах свою задумчивую

песню, напоминая о недавних встречах, о дружеских беседах в Александрии и Каире, у берегов Нила и Суэцкого канала.

«Попутного ветра! Счастливого плавания!» — пожелал нам при расставании Ахмед Савват, пользуясь традиционными морскими оборотами. И хотя корабли уже давно сняли паруса и не зависят от ветра, моряки по-прежнему радуются, если он попутный. За кормой глубоко, жадно дышит жаркая Африка — разбуженный континент, и дыхание ее провожает нас самым добрым из ветров, — может, потому еще, что мы, россияне, никогда не приходили сюда с заряженными пушками. Мы всегда привозили дружбу, как сейчас.

За кормой Африка, а впереди — голубой горизонт. Он всегда манит и волнует. Нет-нет и покажутся над ним романтические мачты. Как бывает приятно, если навстречу идет земляк. А случается и так, что увидишь вдруг в море судно, на котором плавал и знаешь наперечет всю его команду. И тогда хочется лететь ему навстречу.

Именно так и случилось в этот раз.

— Наш идет! — сказал штурман.

Мы глядели в бинокль и волновались: уж очень знакомыми показались обводы судна. Но ведь такого типа кораблей в советском морском флоте немало. Кто же? Надо ждать.

Прошло еще добрых полчаса, пока мы сумели различить надпись: «Ленинский пионер». Шел родной корабль, на котором всего несколько месяцев назад мы совершили далекий рейс к берегам Японии, Индонезии и Малайи. Куда он теперь держит путь?

На мостике заработал радиотелефон. Знакомый голос капитана Лукьянова спрашивал:

— Откуда идете?

— Из Александрии, доставили грузы для Асуана. А вы?

— Идем в Александрию, везем грузы для Асуана! Как там дела?

— Отлично!

Корабли разошлись так близко, что можно было разглядеть людей и помахать друг другу руками. Приспустили и снова подняли флаги на корме — традиционное морское приветствие. И снова радиотелефон:

— Как здоровье? — спрашивает Лукьянов.

— Спасибо. А ваше?

— Нормально. Жду сына!

— Заранее поздравляем! Были у лоцманов.

— Что вы говорите?! Как Рюрик Михайлович?

— Передавал привет.

— Спасибо. До свидания!

— Счастливого плавания!

— Попутного ветра!

Эти слова звучали уже тогда, когда «Ленинский пионер» шел далеко от нас. И хотя мы знали, что ветер не может быть попутным сразу двум кораблям, идущим встречными курсами, мы тоже сказали: «Попутного ветра!» Сказали так, и нам показалось, что ветер вдруг действительно стал менять направление и помчался вслед турбоходу.

Тут читатель, не иначе, улыбнется: увлеклись, мол, авторы, таких чудес не бывает, взяли, мол, и повернули ветер. Но пусть уж не посетуют на то, что желаемое мы выдали за пережитое ощущение: ведь «Ленинский пионер» вез грузы для Асуана!

Лев Александрович Новиков
Александр Константинович Тараданкин

ИЗУМЛЕННЫЙ СФИНКС

Редактор В. Ф. Реут

Оформление художника В. Ф. Черникова

Худож. редактор Е. Е. Соколов

Техн. редактор Л. Е. Атрощенко

Корректор Е. Э. Ковалевская

Сдано в набор 18/IV 1964 г.

Подписано к печати 7/V 1964 г.

Изд. № 54. Формат бум. $60 \times 90^{1/32}$.

Бум. л. 2,0. Печ. л. 4,0.

Учетно-изд. л. 3,71.

А 02963. Цена 11 коп.

Тираж 50.000 экз. Заказ 322.

Изд-во «Знание». Москва, Центр,

Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание».

Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Отпечатано в Московской типографии

№ 8 Главполиграфпрома

Государственного комитета

Совета Министров СССР по печати,

Хохловский пер., 7. Зак. 799.